



## В. А. ТВАРДОВСКАЯ

### Тютчев в общественной борьбе пореформенной России

В литературе о Тютчеве, особенно выросшей в 1960—1970-е годы, общественно-политические взгляды поэта остаются наименее изученными. Расхождения исследователей в их понимании и оценке весьма значительны — от определения Тютчева как «идеолога самодержавия и апостола всемирной теократии» \* до утверждения, что поэт «глубоко презирал самодержавно-крепостническую систему, предвидя ее неизбежный крах», а «его консерватизм не был лишен черт стихийной революционности» \*\*.

---

\* Гроссман Л. Три современника: Тютчев. — Достоевский. — Аполлон Григорьев. М., 1922. С. 5.

\*\* Русская поэзия XIX века. М., 1974. Т. II. С. 645 (прим. В. Корвина). Д. Д. Благой утверждает, что Тютчев, несмотря на монархические взгляды, все время находился в оппозиции к правительственному режиму (Благой Д. Д. Вступ. статья // Тютчев Ф. Стихотворения. Л., 1953. С. 35); Н. Скатов, прослеживая, как менялись «символы веры» поэта, приходит к выводу, что в его мировоззрении «на место России безнародной, государственной, официальной пришла Россия народная» (Скатов Н. Еще раз о «двух тайнах русской поэзии» (Некрасов и Тютчев) // Скатов Н. Некрасов: Современники и продолжатели. Л., 1973. С. 154); Г. Г. Красухин доказывает, что «Тютчев не боролся», — он «все свои силы тратил» на «примирение с духовно растленной современностью» (Красухин Г. Великий спор: (Пушкин и Тютчев) // Вопросы литературы. 1972. № 11. С. 107). Оспаривая это мнение, А. Е. Горелов подчеркивает бунтарские, богоборческие тенденции поэзии Тютчева, уверяя, что «бунтарство и оставалось присущей Тютчеву формой неприятия» действительности (Горелов А. Е. Три судьбы: Ф. Тютчев. А. Сухово-Кобылин. И. Бунин. Л., 1980. С. 103).

Трудности изучения политического мировоззрения Тютчева объясняются не только относительной скудостью находившихся в распоряжении исследователей источников, но и особой сложностью темы. В своеобразном, неповторимом внутреннем мире поэта рациональное мироощущение зачастую зависит от эмоционального, логика умозаключений определяется порой образным строем мышления, художественное воображение и творческая фантазия оказывают прямое воздействие на движение и оформление мысли. Вот почему выяснить и сформулировать политические взгляды Тютчева можно лишь с известной приблизительностью — всякая попытка прямолинейных и однозначных определений обернется их упрощением и обеднением. Как тут не вспомнить самого поэта: «Мысль изреченная есть ложь»?

Предпринимая попытку рассмотреть общественно-политическое мировоззрение Тютчева, автор сознает всю условность его отдельной, самостоятельной характеристики. Внимание в этой статье сосредоточено на идейно-политических позициях Тютчева конца 1850-х — начала 1870-х годов. Именно в этот период он начинает играть все более активную роль в общественной жизни — не только как поэт и публицист, но и как политический деятель, хотя роль эта остается не всегда известной даже его ближайшему окружению. К этому же времени относится и большинство публикуемых в настоящем томе эпистолярных и мемуарных материалов.

Тютчев уехал из России в 1822 г., закончив в 1821 г. словесное отделение Московского университета. На дипломатической службе за границей (преимущественно в Германии) он провел более двадцати лет, вернувшись на родину в 1843 г. зрелым поэтом.

Вряд ли можно согласиться с первым биографом Тютчева — И. С. Аксаковым, уподобившим этот заграничный период жизни поэта своего рода отчуждению от Родины\*. В мыслях Тютчева Россия всегда занимала огромное место — это видно по его стихам, письмам и публицистике. Связи с Родиной никогда не прерывались: Тютчев, как правило, проводил служебные отпуска в России, регулярно переписывался с родными, много читал из русской истории и литературы. Определенная оторванность от своей страны не помешала Тютчеву уловить важные ее тенденции. Еще в конце александровского царствования он ощу-

---

\* Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 292, 301.

тил преобладание в русской жизни «канцелярии и казармы», движение около «кнута и чина»\*. И все же в целом, из мюнхенского далека, Россия, в ореоле славы недавних побед над наполеоновской армией, представлялась ему могучим исполином.

По свидетельству некоторых современников, Тютчев вернулся на родину со взглядами, близкими начавшему тогда оформляться славянофильству — своеобразной разновидности либеральной идеологии\*\*. Сходство это, по-видимому, было довольно приблизительным и касалось прежде всего представлений о России как будущем центре объединения славянских племен и народностей, которому отводилась роль оплота против надвигающихся с Запада революций. Общим было и тесно связанное с этими представлениями убеждение в особом пути развития России, чуждом социальных и политических конфликтов, характерных для западноевропейских стран.

Сведения о том, что противником крепостного строя Тютчев был уже в первые годы пребывания за границей, сомнений не вызывают. Но свидетельство, что он признавал правомерность конституционного правления\*\*\*, не подтверждается последующим развитием его взглядов.

По возвращении домой Тютчев заново начинает вглядываться в Россию. «У нас многое, знаменательное издали, много теряет своего значения вблизи», — скажет он\*\*\*\*, обобщая свои наблюдения над русской жизнью, накопленные за годы, прошедшие после возвращения из-за границы. Во взглядах его, несомненно, произошли изменения. Незыблемой до конца дней осталась лишь убежденность во «всемирной судьбе» России, восприятие ее политической жизни не изолированно (что характерно как раз для славянофилов), а в общей системе европейских государств, в сложном взаимодействии с ними и взаимовлиянии. Это — неизменная черта культурно-исторической концепции Тютчева вплоть до последних дней его жизни.

Постижение российской действительности в непосредственной близости к ней шло медленно и трудно, что объясняется общей ее «замороженностью» в период николаевского царствования. В стране господствовали неприкрытый произвол, полицейский гнет, последовательное подавление мысли. В связи

---

\* Запись в публикуемом ниже дневнике М. П. Погодина 20—25 июня 1825 г.

\*\* Аксаков И. С. Указ. соч. С. 311.

\*\*\* Свербеев Д. Н. Записки. Т. II. М., 1899. С. 143.

\*\*\*\* Письмо Тютчева к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г.

с европейскими революциями 1848—1849 гг. политический режим еще более ужесточился. Находясь с 1848 г. на службе в цензурном ведомстве при Министерстве иностранных дел, Тютчев имел возможность вплотную ощутить ту враждебность, с которой власть относилась не только к малейшему отклонению от казенного мировоззрения, но и к любой информации о революционных событиях на Западе. Экстраординарные меры по усилению цензуры ставили целью не допустить проникновение в страну передовой европейской мысли, изолировать русское общественное мнение от западной политической жизни.

Первое революционное выступление против самодержавия в России застало Тютчева на пути из Москвы в Петербург, когда после полугодового пребывания на родине он возвращался к месту службы в Мюнхен. Тютчев ошибался, думая, что от дела декабристов «не осталось и следов», а память их «от потомства, как труп в земле, схоронена» («14-е декабря 1825»). Революционная традиция в России не была пресечена «мечом самовластия». Об этом свидетельствовало «дело петрашевцев», жестокая расправа с которыми произошла уже в период жизни поэта на родине. К кружку разночинной интеллигенции, обнаружившей тяготение к демократическим и социалистическим идеям, были по-разному причастны лица, оказавшиеся позднее в окружении Тютчева, — И. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, Г. П. Данилевский, Е. М. Феоктистов, В. И. Ламанский.

Образ Родины в поэзии Тютчева 1840—1850-х годов сохраняет то дыхание «зимы железной», которое так ярко воплотилось в стихотворении «14-е декабря 1825», написанном после приговора над декабристами. Это край, где царит беспредельная мгла, где свет звезд сумрачен, а солнце светит на поля «неохотно и несмело», край усталой природы, тощей земли, тусклого, туманного неба. Здесь господствует «мертвенный покой», «сон железный», здесь мертвеют и чувства человека, «развеваются мечты».

Серьезным рубежом в развитии общественно-политических взглядов Тютчева явилась Крымская война 1853—1856 гг. Поэт, с его обостренным чувством национальной гордости, с его планами будущего России, в которой он мечтал увидеть центр великой всеславянской империи, воспринял поражение самодержавия в войне как политическую катастрофу. Но негодование на имперскую политику, которое с такой, казалось бы, неожиданной силой выплеснулось в эпитафии на смерть Николая I, не было внезапным — оно не шквалом налетело, а созре-

вало исподволь. В дни войны Тютчев не раз с горечью напоминал о старой своей тревоге, о давнем предвидении краха. Он писал, что был одним «из самых первых, видевших приближение и рост этого страшного кризиса», что «более пятнадцати лет <...> предчувствовал эту страшную катастрофу — к ней неизбежно должны были привести вся эта глупость и все это недомыслие»\*. В этом смысле война была для поэта не исходным, а переломным моментом в развитии критического отношения к правительственной политике. Вряд ли поэтому воздействие ее можно уподоблять «отрезвлению» или «прозрению», как это иногда делается в литературе\*\*, — и то и другое началось раньше, но было лишь резко усилено войной.

Перед лицом кровавых жертв русского народа, явившего в войне, по словам Тютчева, «истинные чудеса храбрости, самопожертвования»\*\*\*, антинациональный характер имперской политики выступил для него особенно определенно. Деятельность Николая I воспринималась им как предательство национальных интересов России, отказ от той их защиты, в которой поэт видел основную функцию верховной власти. «Не Богу ты служил и не России» — главное обвинение, брошенное Тютчевым царю в эпитафии на смерть Николая I\*\*\*\*.

Когда «могущественно снаряженный» английский флот стоял в 15 верстах от царского дворца и дым неприятельских военных кораблей был виден у Кронштадта, Тютчев «на пороге уни-

\* Письма к Э. Ф. Тютчевой 24 февр. и 18 авг. 1854 г. (1980. 2, 147, 162). См. также письмо к ней 27 июля 1854 г. (1980. 2, 159).

\*\* «Словно повязка спала с глаз Тютчева», — пишет Д. Д. Благой о роли войны в жизни поэта (*Благой Д. Д. Указ. соч. С. 33*). Ему вторит Н. В. Королева: «С его глаз как бы спали розовые очки, и он увидел все то, что не хотел видеть в первые годы пребывания на родине» (*Королева Н. В. Ф. И. Тютчев // История русской поэзии. М., 1970. С. 222*). Так же понимает роль войны и А. Е. Горелов: «Оглушительное крушение мнимо гранитного строя заставило поэта оглянуться окрест, взглянуть на Россию не только из зеркального окна великосветского салона» (*Горелов А. Е. Указ. соч. С. 73; см. также: С. 74—75, 79*). В. Я. Гречнев тоже считает, что события Крымской войны побудили Тютчева «к пересмотру коренных, устоявшихся взглядов» (*Гречнев В. Я. Поэт-мыслитель // Тютчев Ф. И. Лирика, письма. Л., 1985. С. 275*).

\*\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 21 мая 1855 г. (1980. 2, 167).

\*\*\*\* Этой эпитафией Тютчев, по выражению болгарской исследовательницы, воздвиг свой «памятник монарху, возглавлявшему русскую страну целых тридцать лет» (*Бочева Милка. Лириката на Тютчев. София, 1980. С. 40—41*).

жений и разочарований всякого рода» \*, с особой ясностью осознает связь этой непригодной внешней политики с внутренней, глубже постигает неизбежность поражения самодержавия, несмотря на все жертвы русского народа. «То же недомыслие, которое наложило свою печать на наш политический образ действий, оказалось и в нашем военном управлении, да и не могло быть иначе, — размышляет он, как бы подводя итоги всему, что предшествовало позору поражения. — Подавление мысли было в течение многих лет руководящим принципом правительства. Следствия подобной системы не могли иметь предела или ограничения — ничто не было пощажено, всё подвергалось этому давлению, всё и все оступели» \*\*. Считая, что «теперь потребовалась бы огромная двигательная сила со стороны власти», чтобы исправить положение дел \*\*\* («быть может, не все еще потеряно, но все испорчено, разрушено и надолго посрамлено» \*\*\*\*), Тютчев пристально наблюдает за состоянием правительства и один из первых улавливает наметившиеся в нем сдвиги. В «верхах» набирала силу группировка, понимавшая необходимость некоторых преобразований. Новый император Александр II в этих обстоятельствах также склонялся к уступкам. Близость к таким представителям власти, как кн. А. М. Горчаков (с 1856 г. министр иностранных дел), гр. Д. П. Блудов (статс-секретарь и будущий деятель крестьянской реформы), к ряду высших чиновников (в их числе были А. В. Никитенко и П. А. Вяземский), а также вхожесть в салоны вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Марии Николаевны давали Тютчеву возможность быть осведомленным о первых робких начинаниях в подготовке отмены крепостного права. Необычное для страны оживление всей общественной обстановки, колебания в правительстве, свидетельствующие о смене жесткого николаевского курса на политику некоторых «ослаблений», — все это Тютчев определил словечком «оттепель», сразу же подхваченным в образованной среде \*\*\*\*\*.

\* Письма к Э. Ф. Тютчевой 19 июня и 30 нояб. 1854 г. (1980. 2, 155 и 165).

\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 21 мая 1855 г. (1980. 2, 167—168).

\*\*\* 1980. 2, 168.

\*\*\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 27 июля 1854 г. (1980. 2, 159).

\*\*\*\*\* В апреле 1855 г. И. С. Аксаков писал родным: «Вот вам слово Ф. И. Тютчева о современном положении: он называет его оттепелью» (И. С. Аксаков в его письмах. Т. III. М., 1892. С. 115); «Тютчев Ф. И. прекрасно назвал настоящее время оттепелью. Именно

Явно заметна и активизация творческой деятельности самого поэта. В 1857—1859 гг. стихи Тютчева, столь редкие на страницах русской журналистики, появляются в славянофильской «Русской беседе» и в либеральном тогда «Русском вестнике». Оба журнала выступали за отмену крепостного права, высказывались за реформу суда и полиции, гласность, начала самоуправления для господствующих классов. Перспективы развития страны понимались ими по-разному, и они вели между собой полемику. «Русский вестник» пропагандировал как образец общественно-политического устройства английскую парламентарную монархию. «Англомания» М. Н. Каткова, его редактора с 1858 г., пронизывала и политические обзоры журнала, и освещение им разных сторон русской жизни\*. «Русская беседа» пыталась утвердить взгляд на «самородное развитие» России, отвергающее европейские шаблоны, ориентирующееся на собственные исторические традиции. Для этого журнала, неофициальным редактором которого с середины 1858 г. стал И. С. Аксаков, характерна некоторая идеализация допетровской Руси, в которой славянофильская мысль находила гармоничное соотношение между самодержавием и народом, будто бы нарушенное петровскими реформами. То, что Тютчев одновременно печатался в двух столь разных органах, свидетельствует, по видимому, о том, что ни одно из представленных ими направлений поэт не чувствовал по-настоящему своим, ни к одному полностью не хотел быть причисленным.

В подборке стихов, опубликованных в «Русской беседе» в 1857 г., — «Эти бедные селенья...», «Вот от моря и до моря...», «О, вещая душа моя...» — воплотились и лирические, и публицистические, и философские мотивы\*\*. Здесь зазвучали, как бы сливаясь и продолжая друг друга, тема войны с ее огромными и не всегда оправданными жертвами, тема народа, его настоящего и будущего, тема Судьбы — очищения и покаяния на пороге нового этапа исторического пути страны.

---

так, — записывала в дневнике В. С. Аксакова. — Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная и потом все опять закует мороз, то еще тяжелее покажется» (Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. СПб., 1913. С. 102).

\* См. подробнее: *Твардовская В. А.* Политическая программа «Русского вестника» на рубеже 1850—1860-х годов // Освободительное движение в России. Вып. 4. Саратов, 1975. С. 62—78.

\*\* Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. С. 143—144.

Именно так переплетались эти темы в тогдашних общественных спорах, в рукописной литературе того времени, где от попытки разобраться в неудачах войны авторы обычно переходили к размышлениям о внутреннем положении страны, о нищете и несправедливости крестьянства\*. И либеральная, и демократическая мысль — каждая по-своему — устанавливали прямую связь между исходом войны и положением основной массы народа. Читатель тех дней воспринимал стихи Тютчева в «Русской беседе» как отзвук обсуждений главных вопросов, выдвинутых российской действительностью.

Строки

Край родной долготерпенья,  
Край ты русского народа —

о его смиренной нищете и наготе — в 1857 г. звучали уже иначе, чем в 1855 г., когда они были написаны. Время внесло коррективы в восприятие русской деревни. Сам царь признал, что есть предел этому «долготерпенью», заявив, что предпочтительнее освободить крестьян «свыше», нежели ждать, когда это произойдет «снизу». В речи к московским предводителям дворянства 30 марта 1856 г. Александр II, развивая эту мысль, обнаружил неверие в кротость и смирение «бедных селений», указав на существование враждебных чувств между крестьянами и помещиками и вытекающие отсюда случаи неповиновения\*\*.

А там, где были написаны эти пронзительные строки о «крае долготерпенья», — в Рославльском уезде Смоленской губернии — взбунтовавшиеся «бедные селенья» в 1857 г. пришлось усмирять с помощью войск\*\*\*.

Накануне крестьянской реформы поэт, столкнувшись с новыми, ранее ему неизвестными чертами народа — его готовностью постоять за свои интересы, его нежеланием долее мириться с несправедливым строем, — ощутил под покровом терпения и смирения мятежный дух крестьянства. Важными районами

\* Левин Ш. М. Крымская война и русское общество: (Главы из монографии) // Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX в. Л., 1974. С. 331—348.

\*\* Попельницкий А. З. Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 393.

\*\*\* Крестьянское движение в России в 1857-м — мае 1861 г.: Сб. документов. М., 1963. С. 80—81 и 524, прим. 49.

крестьянских волнений, происходивших на рубеже 1850—1860-х годов повсеместно, стали также губернии Орловская (где в Брянском уезде находилось родовое имение Тютчевых Овстуг) и соседние с ней Курская и Смоленская\*. Через последнюю проходил традиционный путь поэта из Петербурга на летний отдых в Овстуг.

Слухи о крестьянских волнениях были постоянной темой бесед в окружении Тютчева\*\*. Сведения о них, через обширную агентуру стекавшие в III Отделение, тоже могли быть доступны поэту по его связям в «верхах»\*\*\*.

Тревогой наполнено письмо Тютчева в Овстуг, где его семья, как обычно, проводила лето 1858 г. Еще недавно воспринимавшийся как «прелестный, благоуханный, цветущий, безмятежный и лучезарный»\*\*\*\*, Овстуг стал видаться исполненным угрозы и опасности. «Я не воображаю себе, будто под вас подложена мина, — объясняет Тютчев свои страхи, — но вполне очевидно, что теперь мы уже не стоим на прежней твердой и неколебимой почве и что в одно прекрасное утро можно проснуться на оторванной от берега льдине...»\*\*\*\*\*

Итак, та «вековая громада льдов», которую не в состоянии была растопить «скудная кровь» декабристов, могла, в пред-

\* Там же. С. 75—88, 155, 217—221, 225—226, 299—300, 397—399, 414—416, 475—480.

\*\* Московский знакомый Тютчевых С. М. Сухотин, занеся 26 марта 1861 г. в дневник рассказы о «сопротивлении со стороны крестьян», упоминал как один из источников этих сведений сообщение родственников Тютчева — Сушковых; отмечены Сухотиным и волнения в Орловской губ. (Из памятных тетрадей С. М. Сухотина // РА. 1894. Кн. 2. С. 233).

\*\*\* В агентурных сведениях III Отделения с конца 1850-х годов отмечается возбуждение крестьянской массы, быстрое распространение слухов об освобождении. Из перлюстрированных писем видно, что помещики Орловской губ., как и повсеместно, были в страхе и тревоге. «В настоящее время деревенская жизнь абсолютно невыносима, — писал орловский помещик Павлов в октябре 1860 г., — никто не слушается <...> спектакль готовится удивительный — 12-й год без французов. Лучше подбру-поздорову убираться» (цит. по ст.: Федоров В. А. О крестьянских настроениях в период подготовки реформы 1861 года // Освободительное движение в России. Вып. 5. Саратов, 1975. С. 12). Не из Павловых ли Мценского уезда автор этого письма? — их хорошо знали в окружении Сушковых, Сухотиных, Тютчевых.

\*\*\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 23 июля 1854 г. (1980. 2, 156).

\*\*\*\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 5 июня 1858 г. (1980. 2, 186).

ставлении поэта, тронуться от движения крестьянской массы. Тютчев справедливо считал беспокойство «весьма реальным». Оно объяснялось в значительной мере его осведомленностью о состоянии крестьянских волнений, число которых в 1858 г. резко возросло (в 1857 г. — 100, в 1858 г. — 378). Предчувствие «взрыва», «страшного кризиса» прорывается в письмах поэта конца 1850-х годов. Ощущение опасности надвигающейся крестьянской войны не менее, чем осознание отсталости и неразвитости страны, заставляло признать неотлагательность освобождения крестьян.

В среде господствующего класса мысль о неизбежности этого освобождения приживалась с трудом. К. Маркс, внимательно следивший за подготовкой крестьянской реформы, отмечал, что ее сторонники среди дворянства составляют меньшинство, не имеющее единодушия по важнейшим вопросам\*. Тютчев и принадлежал к этому антикрепостническому меньшинству, признававшему первоочередной задачей снять «рабский образ» с крепостного человека.

Русское общество конца 1850-х годов жило предстоящими преобразованиями. И либеральные, и демократические журналы, воспользовавшись цензурными «послаблениями», сосредоточились на обсуждении надвигающихся перемен, с разных классовых позиций обосновывая их смысл и содержание, поразному давая отпор крепостникам. В это необычное время на страницах русских журналов, насыщенных полемикой по злободневным вопросам, даже лирическая поэзия зачастую приобретала особое звучание, воспринимаясь как отклик на злобу дня. Так произошло и со стихотворением Тютчева «Успокоение», опубликованным в «Русском вестнике»\*\*. Образец пейзажной лирики, как бы созданный для переложения на музыку\*\*\*, — «Успокоение», помещенное в номере, где преобладали материалы по предстоящей крестьянской реформе, невольно читалось как единое целое с ними. Уже первые строки вызвали мысль о главной потере, к которой готовилось дворянство и с которой оно никак не могло примириться:

Когда, что звали мы своим,  
Навек от нас ушло,

\* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 605.

\*\* Русский вестник. 1858. Т. XVI. Авг. Кн. 2. Это стихотворение — вольный перевод из немецкого поэта Н. Ленау.

\*\*\* Впоследствии на эти стихи написали романсы А. Б. Гольденвейзер и Н. К. Метнер.

И, как под камнем гробовым,  
Нам станет тяжело...

Стихи Тютчева, проникнутые идеей неодолимости движения вперед, призывали найти успокоение в этом законе жизни, в сознании, что неудержимо несущийся жизненный поток невозможно остановить, как невозможно повернуть вспять его «всесильную волну».

Разумеется, такая философия вряд ли могла утешить помещиков, которым предстояло расстаться со своими привилегиями\*. Тот же «Русский вестник» (как и «Русская беседа») успокаивал их растревоженные интересы обсуждением форм вознаграждения, которое дворянство должно было получить в ходе реформы. Журнал Каткова публиковал предложения на этот счет самих помещиков: некоторые из них ставили вопрос о выкупе крестьянами не только земли, но и феодальных повинностей, т. е. фактически о выкупе личности крестьянина. Впрочем, и в «Русском вестнике», и в «Русской беседе» возобладали точка зрения на необходимость освобождения крестьян с землей за выкуп. По-видимому, к этому мнению склонялся и Тютчев, далекий как от революционно-демократического решения вопроса (освобождение с землей без выкупа — за счет помещичьего землевладения), так и от чрезмерных дворянских притязаний\*\*.

Смягчение цензуры способствовало все более интенсивному освещению в печати предстоящей реформы — темы совсем недавно (до весны 1858 г.) запретной. В центре внимания оставался вопрос о «вознаграждении» помещичьих потерь. «Русский вестник» видел в его решении главную сложность предстоящего преобразования. Не будь его, заявлялось здесь, вопрос о реформе был бы совсем прост\*\*\*. В остальном либеральная журналистика уверенно смотрела в будущее. Пронизанная пафосом этой веры, она, вслед за И. С. Аксаковым, провозглашала «дню

\* Демократический журнал «Искра» поместил пародию Н. Л. Ломана «Утешение» на стихи Тютчева (1860. № 39). См.: Поэты «Искры». Л., 1955. Т. 2. С. 780.

\*\* Об этом, в частности, свидетельствуют апологетические стихи Тютчева «19-е февраля 1864 г.», посвященные деятелю крестьянской реформы гр. Д. Н. Блудову, отстаивавшему именно такой вариант освобождения крестьян (написаны на смерть Блудова; опубл.: Русский инвалид. 1864. № 43. 22 февр.).

\*\*\* *Безобразов В. П.* Письмо к С. Т. Аксакову по поводу крестьянского вопроса // Русский вестник. 1858. Т. XVI. Авг. Кн. 2: Современная летопись. С. 314.

вчерашнему забвенью, дню грядущему привет». С характерным для него в этот период оптимизмом, журнал Каткова рассуждал о преимуществах вольнонаемного труда, о радужных перспективах, открывающихся перед сельским хозяйством и промышленностью. «Русская беседа» была несколько озабочена лишь социальными последствиями реформы и отстаивала сохранение крестьянской общины как средства против возникновения пролетариата.

В мае 1858 г., в ходе обсуждения предстоящих перемен, Тютчев снова выступил в славянофильской «Русской беседе» (Т. II. Кн. 10). Среди стихов о любви, о природе, которым суждено было составить лучшие страницы русской классической поэзии («Есть в осени первоначальной...», «Смотри, как роща зеленеет...», «В часы, когда бывает...», «Она сидела на поду...»), выделялось связью с насущными общественными вопросами стихотворение, начинавшееся строками:

Над этой темною толпой  
Непробужденного народа  
Взойдешь ли ты когда, Свобода,  
Блеснет ли луч твой золотой?..

Написанное за несколько лет до падения крепостного права (в 1857 г.), оно иногда трактуется как протест против рабства, призыв к его отмене, «будивший» бунтарские чувства\*. Думается, что предрешенность крестьянского вопроса, вполне обозначившаяся как раз в 1857 г. (когда начал работать Секретный комитет по подготовке реформы), лишает эти тютчевские стихи такого смысла. То, что крепостное право падет и свобода будет провозглашена, — в этом поэт не сомневался:

Блеснет твой луч и оживит  
И сон разгонит, и туманы.

Его тревога о другом — насколько свобода эта будет подлинной.

Тютчев использовал образ свободы, весьма распространенный в либеральной публицистике, — как солнца, восходящего над судьбами русского народа\*\*. Первые же строки стихотворения с их вопросительной интонацией, несущей сомнение («Взойдешь ли ты когда, Свобода, / Блеснет ли луч твой золотой?»),

\* *Благой Д. Д.* Вступ. статья // Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 48; ср.: *Горелов А. Е.* Указ. соч. С. 70.

\*\* См., напр.: *Безобразов В. А.* Указ. соч. С. 305.

как бы вступали в спор с победными, ликующими восклицаниями либеральной печати об этом солнце, которому суждено было разогнать мрак и беспросветность народной жизни. Поэт предвидит, сколь сложным будет утверждение свободы. Наследие рабства — «старые, гнилые раны, рубцы насилий и обид», «растленье душ и пустота» — все это вряд ли может быть изжито легко и быстро. Характерно, что в будущем — пореформенном — строе поэт не видит сил, способных перебороть наследие рабства, «залечить» нанесенные им раны. Его надежды не на царя, не на господствующие классы и просвещенное общество, а единственно на помощь Божию — «ризу чистую Христа». Но ведь в своей вере Тютчев столь же непоследователен, как и в безверии. Упование на целительную силу религии высказано человеком, который уже приходил к осознанию того, что «...нет в творении Творца! / И смысла нет в мольбе!». И это еще больше подчеркивает силу и глубину его тревожных сомнений перед будущим, столь резко диссонирующих с либеральным оптимизмом.

«Самые серьезные опасения» в этом смысле внушала политика правительства. «Не только никто не знает здесь, что происходит в комитетах, — писал Тютчев жене летом 1858 г., — и до чего доведена начатая работа, но никто как будто и не интересуется этим. Об этом деле говорят так мало, как если бы оно было решено и подписано лет двадцать назад; однако очевидно, что ни к одной реформе еще не приступлено всерьез и все вопросы поставлены как *status quo*» \*. Тютчев правильно уловил вынужденный характер преобразований и в связи с этим отмечал «*нерадивость*» власти к реформам. Отчасти и поэтому он не склонен был разделять либеральные надежды на наступление «новой эры» и порой высказывал довольно скептический взгляд на настоящее и будущее.

Как ни парадоксально, но образ Родины, появляющийся в его стихах в период общественного подъема, близок тому, который характерен для его поэзии мрачных времен николаевского царствования, — то же господство ледяного холода, никакой «оттепели», признаки которой он один из первых уловил в середине 1850-х годов:

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом  
Огромной тучи снеговой  
Синеет даль — с ее угрюмым лесом,  
Окутанном осенней мглой.

\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 5 июня 1858 г. (1980. 2, 186).

Все голо так — и пусто-необъятно  
 В однообразии немом...  
 Местами лишь просвечивают пятна  
 Стоячих вод, покрытых первым льдом.  
 Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —  
 Жизнь отошла — и, покорясь судьбе,  
 В каком-то забытии изнеможенья,  
 Здесь человек лишь снится сам себе.

(«На возвратном пути»)\*

Достаточно традиционный в русской литературе, как символ самодержавно-крепостнической России, «родной ландшафт» воспринимался поэтом без всяких признаков жизни («ни звуков здесь, ни красок, ни движенья») в момент, когда общественный подъем в стране явственно обозначился\*\*. Наступали как раз те «минуты роковые» истории, которые поэт, наблюдая их на Западе, ощущал как пиршество духа и ума, как самое «высокое зрелище», — минуты, когда борьба между «дряхлеющими» и молодыми общественными силами доходит до кульминации. Россия и была накануне такого обновления — на пороге всеобщих радикальных перемен. В стране разворачивалось крестьянское движение, державшее правительство в растерянности и страхе. Происходили студенческие волнения, отражавшие революционную настроенность молодежи. Оживилась либеральная оппозиция, намекавшая властям на необходимость уступок. Революционное движение разночинной интеллигенции заявило о себе демократическими и социалистическими требованиями. Однако общая неразвитость классовая и политической борьбы в России на рубеже 1850—1860-х годов, своеобразии ее путей и форм способствовали тому, что поэт, ощущая

\* Исследователь русской философской лирики XIX века с полным основанием видит в этих стихах отражение «драматического состояния духа» (*Щемелева Л. М.* О русской философской лирике XIX века // Вопросы философии. 1974. № 5. С. 99).

\*\* Стихотворение «На возвратном пути» написано по дороге из Кенигсберга в Петербург, по возвращении из-за границы, где поэт находился с мая по декабрь 1859 г., и напечатано в газете «Наше время» (Наше время. 1860. № 1. 17 янв.). Его многозначительная символика подчеркивалась картиной русской жизни, нарисованной в анонимной статье о «Грозе» А. Н. Островского на той же газетной полосе. Автор (по-видимому, издатель газеты Н. Ф. Павлов) не видит в темном царстве кабановых и диких никакого просвета. И столь прочным представляется ему это царство мрака, всеобщего оцепенения, нравственного безразличия, что в протесте Катерины он усмотрел отступление писателя от жизненной правды.

всю необычность переживаемого момента, не осознал в полной мере смысла и значения событий, столь не похожих на те, которым он был свидетелем на Западе\*. Предчувствуя надвигающийся «взрыв», он не видит того «благодатного огня», который бы мог растопить льды, сковавшие общественную жизнь России, рассеять окутавшую ее мглу. Революции он был чужд и враждебен: насилие считал непригодным средством общественного преобразования и крестьянского движения боялся как силы стихийной и разрушительной\*\*. Либеральную оппозицию всерьез не принимал. «Чем либеральней, тем они пошлее», — писал он об ее представителях. Все его надежды на будущее страны, на перемены в ней связывались с самодержавной властью. А именно ее состояние, как уже говорилось, внушало ему тревогу и опасения.

Самодержавие, в представлении Тютчева, было единственно возможной и наиболее целесообразной формой власти в России — формой, выросшей из ее истории, связанной с ее традициями, понятной и привычной ее народу. Не выражая сомнений в необходимости самодержавия, поэт одновременно самым серьезным и резким образом критиковал его политику — внутреннюю и внешнюю. И не только политику, но и все нравственное состояние и интеллектуальный уровень современных ему «предержателей власти». Он дал уничтожающие отзывы о конкретных носителях принципа самодержавия и о его верных слугах. Он заклеил всесильного временщика П. А. Шувалова, вставшего «над Россией распростертой» во всеоружии власти шефа жандармов. Он определил влиятельного министра внутренних дел П. А. Валюева (одного из самых образованных и отнюдь не самых реакционных слуг существующего строя) как никчемного и двоедушного фразера. Эпиграммы и остроты поэта разили и самих царей. Известна его убийственная характеристика Николая I как лживого и пустого «лицедея», которой,

\* Симптоматичен контраст стихотворения «На возвратном пути» с «Письмами из-за границы» Б. Чичерина, помещенными рядом в том же № 1 «Нашего времени». Либерал-западник восторженно живописует события в Италии — широкое движение за национальное объединение, кипение общественной борьбы, энергичную деятельность правительства Кавура — кумира русских либералов.

\*\* Отмечая, как при всем своем тяготении к свободе Тютчев был далек от сознания необходимости завоевания ее кровью, Н. В. Королева высказывает верное наблюдение, что для поэта всегда характерно сочувствие к этой пролитой за свободу крови (*Королева Н. В. Указ. соч. С. 203*).

казалось, само самодержавие было пригвождено к позорному столбу. Но и в «царе благодушном, царе с евангельской душой» — Александре II — он разглядел черты, мало подходящие для верховного правителя такой страны, как Россия, в сложное пореформенное время. Е. М. Феоктистов, спустя десятилетия, вспоминал характерное высказывание Тютчева об Александре II: «Когда император разговаривает с умным человеком, у него вид ревматика, стоящего на сквозном ветру» \*. В сознании поэта причудливо совмещались и реальный, и сфантазированный образы русского царя. Строки восхищения и высокой похвалы, адресованные императору или императрице в его стихах, были своего рода пропагандой тех качеств, которые он хотел видеть в монархе, формой агитации за «хорошего» царя.

В письмах Тютчева — как ранее известных, так и впервые публикуемых в настоящем томе — рассыпаны выразительные оценки правительственной политики: говорится о ее нелепости, «полнейшей бессознательности», подлости. Отмечаются «безнадежная глупость», «скудоумие», «чудовищная тупость», пошлость, отсутствие совести, «нравственное растрепанье» тех, кто эту политику проводил.

Определенность и сила этой критики дали основание некоторым исследователям сделать вывод об оппозиционных и даже бунтарских тенденциях в умонастроении Тютчева, о его неприятии существующего строя, активном протесте против него \*\*. Другие, напротив, сопоставляя эту критику с позицией поэта в общественной жизни и литературе, делают заключение о его компромиссе с существующей действительностью \*\*\*.

Однако критика Тютчева не была направлена против основ самодержавного порядка, не покушалась на его принципы. Конкретные проявления политики самодержавия он критиковал как раз за то, что они, как ему казалось, уклонялись от этих принципов, недостаточно соответствовали им. Он искренне верил, что стоит правительству проникнуться национальными потребностями страны, стать на правильную позицию — и его политика, в существующих же государственных формах, сможет стать другой, соответствующей национальным задачам России, интересам ее народа. И поэт прилагал немало усилий,

\* Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 348 (на фр. яз.).

\*\* Имеются в виду высказывания о взглядах Тютчева Д. Д. Благого, А. Е. Горелова, В. Коровина, В. Н. Касаткиной и др.

\*\*\* Красухин Г. Указ. соч. С. 107.

чтобы, используя личные контакты с представителями власти, а также с помощью печати (изданий И. С. Аксакова прежде всего), повлиять на правительство, разъяснить ему непонятные за «недомыслием» первоочередные задачи внутренней и внешней политики, поставить его на надлежащую точку зрения. Отношение Тютчева к существующему строю не было борьбой с ним, это была борьба за него — за то, чтобы он стал таким, каким поэту мыслилось некое идеальное самодержавное государство. Но этот его наивный монархизм не был и компромиссом — Тютчев считал существующий порядок своим, единственно возможным, и никакой принципиальной альтернативы ему в окружающем мире не видел. На компромисс в свое время шел Некрасов, когда, ломая себя, писал в 1866 году Н. М. Муравьеву («Вешателю») <sup>1</sup> в надежде спасти «Современник» от нависшего над журналом запрещения. Тютчев же, как увидим, прославлял Муравьева вполне искренне, убежденный в необходимости такого политического деятеля в существующих условиях.

Но вполне искренней была и его критика политики «верхов», искренним было и непонимание того противоречия, в которое она приходила с его умозрительной верой в самодержавие.

Тютчев вполне убежденно противопоставлял конкретную «чиновничью» политику, образ действий администрации — самодержавию. Что одержит верх, «русский ли царь или петербургские чиновники?» — задавался он при этом вопросом. Иногда встречается в его письмах и мысль о захватившей власть и влияние в стране «клике», которая «путает Россию, а не правит ею» \*. Поэт настойчиво подчеркивает несоответствие проводимого министрами реального политического курса политике самодержавия, какой она должна быть, согласно его представлениям.

Естественность и допустимость такой критики «верхов», которая не затрагивала бы основ абсолютизма, попытался обосновать его идеолог Катков. Принцип самодержавия, поучал он, непоколебим и безупречен, но лица, которые приходят и уходят, сменяясь на чередѣ власти, могут быть и неспособными, и недобросовестными. Катков различал в России две политики — царскую и министерскую. Не видя другого способа оградить самодержавие от неизбежной критики, он настаивал на том, что «доктрина об абсолютном тождестве администрации

---

\* Письма к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г., А. Ф. Аксаковой 20 февр. 1868 г. и И. С. Аксакову 19 февр. 1869 г.

с Верховной властью может сообщить фальшивое и опасное направление нашему прогрессу» \*. Однако сама власть не без основания считала, что «противная доктрина еще опаснее». Именно такую помету на полях цитируемой записки Каткова сделал П. А. Валуев, правильно почувствовавший всю уязвимость противопоставления принципа его живым носителям и политике, этот принцип воплощающей. Шеф жандармов П. А. Шувалов («Шувалов — жандарм», как лаконично и выразительно называл его Тютчев) по поручению Александра II обратил внимание редактора «Московских ведомостей» на неудобство выступлений против администрации, во главе которой стоит император и себя от нее отделить «не желает и не может» \*\*.

Забегая вперед, заметим, что именно с нежеланием верховной власти терпеть такую критику связаны цензурные гонения на издания Аксакова. И тщетно Иван Сергеевич доказывал, что его газета отделяет правительство от администрации, не смешивает эти понятия и «систематически выгораживает достоинство основного начала власти, выделяет из критики верховный правительственный принцип» \*\*\*. «Подрывая уважение к частным проявлениям известных начал политического и нравственного порядка, можно потрясти и самые начала» — так объясняли власти запрещение аксаковской «Москвы» \*\*\*\*. То, что понимали носители самодержавия, бдительно стоявшие на страже собственных интересов, так и не было осознано ни Тютчевым, ни Аксаковым. Они продолжали верить, что их критика царской администрации должна укрепить существующий строй, послужить ему на пользу.

В этой критике, зачастую глубокой и меткой, Тютчев близко подошел к пониманию природы существующей власти как отсталой, отжившей свой век. Он уловил в ее действиях «старческий зуд заурядности», которой «любая независимая сила как нечто ее превосходящее кажется не только подозрительной, но и враждебной» \*\*\*\*\*. Верно почувствовал поэт и бездуховность этой власти, ее безыдейность (определенные им как «безбожие»), изжитость ее идеологии, утратившей авторитет; в то же

\* Записка М. Н. Каткова по делам издания «Моск<овских> ведомостей» (1867) (ЦГИАЛ. Ф. П. А. Валуева (908). Оп. 1. Д. 282. Л. 10).

\*\* Письмо П. А. Шувалова М. Н. Каткову 1 окт. 1866 г. (ГВЛ. 120. 19. Л. 49—50).

\*\*\* Москва. 1867. № 189. 28 нояб., передовая.

\*\*\*\* Цимбаев. С. 153.

\*\*\*\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 13 окт. 1870 г.

время он видел ее тягу к идейной монополии («убийственной мономании»), ее боязнь идейной борьбы, уверенность только в средствах насилия («в материальной силе»). Но, отмечая эти симптомы, Тютчев усматривал в них не проявление сущности самодержавия, а отклонения от нее.

Историческая ограниченность социально-политических взглядов Тютчева сказалась в полном отвлечении его размышлений о власти от ее социальной или классовой основы. Речь, разумеется, идет не об отсутствии соответствующей терминологии, а о непонимании связи политики самодержавия с интересами господствующих классов. Такой связи Тютчев не улавливал даже тогда, когда речь шла о крестьянской реформе. Замеченная им «*нерадивость*» к ней в правительстве никак не становится в связь с защитой интересов помещичьего сословия\*. Поэт склонен считать существующую власть в России чем-то самостоятельным и обособленным. Не соответствуя в его глазах национальным интересам страны, она воспринималась им как нечто самодовлеющее и противостоящее стране в целом. Рассуждая о «выродках», стоящих во главе управления, он усматривает некие «паразитические элементы, органически присущие святой Руси», и поясняет: «Это нечто такое в организме, что существует за его счет, но при этом живет своей собственной жизнью, жизнью логической, последовательной и, так сказать, нормальной в своем пагубно разрушительном действии»\*\*. Нельзя не видеть здесь определенного сходства с восприятием самодержавия демократической (народнической) мыслью, которая также не усматривала его связи с социальными силами внутри страны, считая паразитическим, самим для себя существующим, всем враждебным и всех эксплуатирующим органом.

Объективной основой таких представлений служила относительная самостоятельность абсолютизма, выражавшаяся в сильно развитой бюрократии с ее определенной независимостью и могуществом. Однако революционно-демократическая мысль имела в виду паразитизм именно самодержавия как формы власти. Тютчев же говорил о самодовлеющем паразитическом характере чиновничьей «клики», которую он с самодержавием не отождествлял. Сам поэт не мог не чувствовать всей противоречивости такого восприятия существующей власти. По сути, оно вело к признанию в стране некоего двоевластия — верхов-

\* Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. <1857 г.> (1980. 2, 184).

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 апр. 1868 г.

ной власти самодержавия, не ведающего, что творят его министры и чиновники, и «клики» этих чиновников и министров, орудующей вопреки высшей воле «помазанника Божьего». Мысль Тютчева безуспешно пыталась если не разрешить, то хотя бы примирить это противоречие, которое, несомненно, явилось источником глубокой «нравственной тревоги» поэта. Почему политическая система, признанная им наиболее совершенной и целесообразной, в реальном жизненном воплощении давала непрерывные доказательства несостоятельности? Почему, будучи в его сознании необходимой и жизнеспособной, она рекрутировала к себе на службу людей неспособных и недостойных? «Что же означает это всеобщее скудоумие, — вопрошал он, критикуя царских чиновников и стараясь не задеть «принцип». — Что здесь причина, и что следствие?» \*

Зачастую поэт был близок к тому, чтобы усомниться и в самом принципе самодержавной власти, — действительность в избытке предоставляла материал для этого. Когда что-то особенно его задевало, вызывало острое негодование — будь то проявление «неспособности» во внешней политике или произвол по отношению к печати, — он, казалось, готов был признать «уязвимость самого принципа»: чувствуя, как «колеблются самые основы всего здания», он испытывал при этом ту же неловкость, какую, по его словам, «должны испытывать искренне верующие католики, когда речь идет о принципе непогрешимости папы» \*\*. И все же «здание» — система представлений и понятий о русской политической жизни и государственности, результат скольких умозрительных построений, столь и мифотворчества художника — продолжало существовать. Жизненные наблюдения и впечатления, которые, казалось бы, должны были опровергнуть эту предвзятую и отвлеченную схему, сами зачастую осмысливались под ее влиянием и подчинялись ей. Приверженность принципу самодержавия, подвергаясь испытаниям, колеблемая и расшатываемая самой действительностью,

\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 7 дек. 1870 г. См. также письмо к И. С. Аксакову 28 сент. 1868 г.

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 февр. <1868 г.>. «Даже сам монархический принцип в условиях, когда правительство чуждо интересам своей страны, ставится им (Тютчевым. — В. Т.) под сомнение», — замечает исследовательница творчества Тютчева (*Королева Н. В.* Указ. соч. С. 222). Стоило бы только добавить, что сомнения эти не только не переходили в уверенность, но и отвергались всей системой взглядов Тютчева, решительно, хотя и насильственно, изгонялись самим поэтом как чужеродные ей.

продолжала жить в сознании поэта. В грозные для самодержавия годы она проявлялась особенно ярко, показывая Тютчева убежденным защитником Империи, ее абсолютистского строя.

Характерна позиция поэта в 1863 г. Поборник добровольно-го объединения славянских народов под главенством России, ратовавший за освобождение их от иноземного (турецкого и австрийского) ига, он выступил сторонником подавления восстания в Польше, решительно высказавшись против каких бы то ни было уступок восставшим. Так же, как и в 1830 г., Тютчев в 1863 г. верил, что в борьбе с повстанцами «кровь русская» лилась «не за коран самодержавья». В его представлении борьба шла не за государственно-самодержавные интересы, а за нечто более широкое и значимое — за будущее объединение славянских народов. И перед лицом этого будущего, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся», он и считал отпадение Польши от России величайшим злом и изменой. В то же время поэт различал в Польше родное славянское «польское племя», которому Россия готова сочувствовать, и католически-шляхетскую Польшу с ее своекорыстными стремлениями, воплотившимися в программе восстановления Польши до «разделов» («от моря и до моря»). Этой «людской кривде» шляхетской католической Польши и противостоит «правда Божья» — единство славянской Державы:

Ужасный сон отяготел над нами,  
Ужасный, безобразный сон:  
В крови до пят, мы бьемся с мертвецами,  
Воскресшими для новых похорон, —

так выразил он убежденность в мертворожденности идеи восстания против Российской империи.

Подобная позиция сближала Тютчева с Катковым, ставшим в 1863 г. редактором «Московских ведомостей», и не случайно именно тогда начинается их переписка. Газета Каткова выделась в русской печати — даже официальной — жесткостью линии в польском вопросе. Требуя скорейшего подавления восстания в Литве и Польше «железом и кровью», недавний «либерал-западник» выдвигал военную диктатуру как лучшее средство умиротворения восставшего края. Эти требования, соответствующие стремлениям «верхов» и господствующих классов, в кратчайшее время сделали «Московские ведомости» влиятельным органом. Министр иностранных дел кн. Горчаков был среди тех представителей правящего лагеря, кто обратил вни-

мание на газету Каткова и попытался наладить с нею контакт, чтобы использовать в своих целях. По поручению министра, Тютчев едет летом 1863 г. в Москву, чтобы нащупать возможности такого использования\*. В архиве Каткова сохранилось письмо кн. Горчакова Тютчеву, по-видимому, тогда же, в июльские дни 1863 г., переданное, с ведома министра, редактору в качестве основы для переговоров. Высказывая похвалы общей позиции московской газеты, Горчаков выражал обеспокоенность принятой ею линией «наступательной войны» по отношению к европейским державам, особенно Франции\*\*. Усилия министра в те дни направлялись на то, чтобы не допустить вовлечения России в войну с западными державами, угроза которой была реальна\*\*\*. Англия и Франция пытались использовать польское восстание в своекорыстных целях, под видом защиты Польши оказывая давление на Россию, стремясь ослабить ее международные позиции. Агрессивный тон катковских передовиц, особенно по отношению к Наполеону III, представлялся в той обстановке опасным. Горчаков призывал редактора к сдержанности и осмотрительности в освещении внешнеполитических событий. В этом же смысле пытался воздействовать на Каткова и Тютчев — как в письмах к самому Каткову, так и к сотруднику его изданий А. И. Георгиевскому. Он объяснял, что дело идет не о сближении с наполеоновской Францией — союз

\* В Москве Тютчев пробыл с июня по август 1863 г., ощущая себя «чем-то вроде официального посредника между прессой и Министерством иностранных дел» (письмо к Э. Ф. Тютчевой 1 авг. 1863 г. // Страница и новизна. Кн. 21. С. 199). Роли Тютчева как посредника между правительством и Катковым посвящено исследование английского ученого Р. Лэйна, охватывающее более широкий период (1863—1866) (*Lane R. Tjutčev's role as mediator between the government and M. N. Katkov (1863—1866)* // *Russian Literature*. XVII. North-Holland, 1985. Vol. III. P. 121). В. Кожин определяет эту роль Тютчева как роль прямого инспиратора передовых статей «Московских ведомостей» (*Кожин В. Вступительная статья* // Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1986. С. 22). Однако, приняв такую точку зрения, невозможно объяснить противоречие — так и не преодоленное — между агрессивной, воинствующей позицией газеты Каткова и позицией Горчакова, стремившегося к умиротворению и смягчению международного конфликта.

\*\* Письмо А. М. Горчакова Тютчеву 25 июля 1863 г. (ГБЛ. 120.2.33). Во французском автографе письма слова о «наступательной войне» написаны по-русски.

\*\*\* Остро ощущал угрозу войны и сам Тютчев (*Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России* // ЛН. Т. 19—21. С. 202).

с которой представляется ненадежным и самому министру иностранных дел, — а о том, чтобы не отнимать у императора Франции надежды на это сближение. Сам Тютчев считал, что диктатура Наполеона чревата появлением европейской коалиции против России.

В письмах к Каткову Тютчев предстает тонким дипломатом: осторожные критические замечания сопровождаются общими одобрительными оценками, рекомендации и пожелания — важной информацией из недр Министерства иностранных дел. Однако ни дипломатическое искусство Тютчева, ни привилегии, которые были даны «Московским ведомостям» министром иностранных дел в целях взаимного сотрудничества и которыми охотно пользовался Катков \*, не помогли ввести его в нужные министру рамки. Упрямый и своевольный редактор, уже тогда претендовавший на роль руководящего идеолога, не собирался пересматривать свою позицию. Считая, что наступление — лучший вид защиты, он продолжал придерживаться этой тактики. Поняв невозможность использовать его газету в поддержку линии министерства, Горчаков охладевает к редактору. С годами сильнее расходится с Катковым и Тютчев (и, как будет видно, не только по внешнеполитическим проблемам). Высказывания поэта о московском публицисте становятся все более неприязненными, отрицательное отношение к нему — более определенным. Переписка их затухает в середине 1860-х годов.

Но в 1863—1865 годы отношения Каткова и Тютчева довольно тесные, и для них характерно взаимопонимание. Тютчев солидаризировался с выдвинутым «Московскими ведомостями» требованием военной диктатуры как главной меры по усмирению восставшего края. Когда линия газеты Каткова возоблудала в «верхах» и на пост виленского генерал-губернатора был назначен (в мае 1863 г.) М. Н. Муравьев, прозванный «Вешателем», Тютчев всемерно поддерживал политику диктатора в Литве и пропагандировал ее всеми, в том числе и поэтическими, средствами.

Отношение к Муравьеву было в то время своеобразной политической характеристикой. Оно разделило на различные группировки и правящий лагерь. Главой антимуравьевской «партии»

\* Катков получил возможность знакомиться с секретными документами, не доступными для остальной прессы: иностранные корреспонденты «Московских ведомостей» пользовались содействием Министерства иностранных дел (см. письмо чиновника этого Министерства А. Ф. Гамбургера Каткову 6 дек. 1863 г. (ГБЛ. 120. 21. Л. 89—90)).

считался петербургский генерал-губернатор кн. А. А. Суворов. К ней относили также вел. кн. Константина Николаевича, министра внутренних дел П. А. Валуева и ряд других представителей «верхов», стоявших на великодержавных позициях, но считавших, что политика самодержавия в национальном вопросе должна быть более гибкой. Единомышленники кн. Суворова высказывали мнение о необходимости ограничить полномочия диктатора и срок действия диктатуры связывали с подавлением восстания. Они полагали, что жестокие и варварские действия Муравьева чреваты опасностью, так как разжигают дух сопротивления повстанцев, по-своему «революционизируя» край. Муравьевская «партия» (к которой оказался причастен Тютчев) сплотилась вокруг «Московских ведомостей». Вчерашние крепостники, противники реформы (гр. В. Н. Панин, гр. С. Г. Строганов), сошлись в ней — на почве сохранения единства и целостности империи — с представителями «либеральной бюрократии» (братья Н. А. и Д. А. Милютины, кн. В. А. Черкасский и др.). Газета Каткова доказывала, что военная диктатура необходима не только для подавления восстания, но и для дальнейшей перестройки управления восставшим краем с целью его большего слияния с империей.

В частности, Катков выступил с обоснованием мер, ставивших целью ликвидацию в западных губерниях крупного шляхетского землевладения, наделение за его счет землей местного крестьянства (в большинстве русского или литовского) и создание в его лице определенной опоры самодержавию против шляхты. Предпринятая в Литве, а затем в Польше крестьянская реформа, объективно прогрессивная, поскольку подрывала крупное землевладение, имела немало противников в «верхах». Тютчев, хотя и приравнивал ее к социальному перевороту (сторонником которого никогда не был), твердо ее поддерживал в целях решения того же польского вопроса\*.

С борьбой группировок в правящем лагере связано появление стихов Тютчева в вольной русской печати. В ноябре 1863 г. по случаю именин Муравьева его сторонники организовали (с целью демонстрации) подношение ему иконы Михаила-архангела. Среди отказавшихся участвовать в подношении и подписать адрес были министр внутренних дел П. А. Валуев, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр просвещения А. В. Головнин

---

\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 2 окт. 1863 г. // Старина и новизна. Кн. 21. С. 202.

и петербургский генерал-губернатор кн. Суворов. Последний во всеуслышание заявил, что «не может сделать этой чести такому людоеду» \*. Вот этому эпизоду и посвятил Тютчев стихотворение «Его светлости князю А. А. Суворову». Герцен, посчитав, что оно «заслуживает небольшого места в “Колоколе”», поместил его здесь с уничтожающими комментариями, раскрывающими недостойную русского поэта роль их автора в польском деле \*\*.

В этих стихах Тютчев не столько осуждает Суворова — «гуманного внука воинственного деда», сколько пытается оправдать и даже героизировать мрачную и жестокую миссию Муравьева в Литве. Муравьев-вешатель, заливший кровью восставший край, превративший в тюрьмы даже монастыри, сжигавший целые села по одному подозрению в сочувствии повстанцам, изображен великим деятелем, отстаившим целостность России, «*всем жертвуя призванью своему*». Выделив эти строки курсивом, Герцен поставил здесь восклицательный знак. Действительно, было неясно, чем именно «жертвовал» Муравьев, облаченный властью в крае, объявленном на военном положении, и смотревший на эту свою деятельность по усмотрению «мятежной бодрости повстанцев» как на новую ступень карьеры.

В стихах, не согретых искренним чувством, современникам слышалась фальшь. «Куда девался некогда изящный стих Тютчева? Куда девался талант?..» — эти восклицания Герцена сопровождали публикацию стихотворения в «Колоколе».

«Сторонники» Муравьева, или, как они себя называли, «национальная партия», постарались использовать стихи Тютчева в агитационных целях \*\*\*. В одной из своих передовиц упомя-

\* *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 377. Далее: *Никитенко*.

\*\* *Герцен А. И.* Поворотная линия // Колокол. 1864. Л. 176, 1 янв.; см. также: *Герцен*, XVIII, 19. Со временем стихи о том, как «честили» Муравьева, зазвучали неожиданно для поэта. Слово «честить», употребленное в смысле «чествовать», постепенно приобрело исключительно противоположное значение — «ругать, хулить, клеймить».

\*\*\* Посылая Каткову стихи «Его светлости князю А. А. Суворову», В. Н. Карамзин (петербургский чиновник) писал ему 1 ноября 1863 г.: «Надобно постараться распространить их в Москве, где они будут иметь еще больший успех» (ГБЛ. 120.21. Л. 121). О распространении этих стихов см. также: *Никитенко*, 2, 377; запись в дневнике М. П. Погодина 16 нояб. 1863 г.

нул о них и Катков — вопреки цензурному запрету. Однако возбуждение судебного преследования газеты «значило бы, что правительственная власть заявила бы сочувствие к тенденциям ей враждебным», и инцидент был оставлен без последствий\*. Недовольство правительства объяснялось как раз теми же причинами, по которым стихи были напечатаны в «Колоколе»: они показали раздоры по польскому вопросу в «верхах» и обнародовали красноречивое прозвище («людоед») государственного деятеля, облеченного высшей властью.

Из <...> писем Тютчева Каткову и Георгиевскому, казалось бы, можно сделать вывод о полной солидарности его в польском вопросе с линией «Московских ведомостей», наиболее соответствующей интересам самодержавия. Однако, по собственному признанию поэта, значительно ближе ему была славянофильская газета «День». Именно точку зрения ее редактора И. С. Аксакова на польский вопрос называет Тютчев «единственно правильной» и говорит о ней как о своей собственной, именно у Аксакова находит он «разумный взгляд на дело и более действительное понимание вопроса, чем у кого бы то ни было», замечая, что Катков, за которым он признает «огромные услуги, оказываемые им <...> стране», понимает положение «не так ясно»\*\*. Стоит пристальнее всмотреться в позицию Аксакова, чтобы глубже понять точку зрения самого поэта, поскольку непосредственных сведений о его отношении к польскому восстанию не так уж много.

Газета «День» в начале польского восстания часто появлялась без передовых. Чистые, не заполненные шрифтом столбцы ее красноречиво свидетельствовали о том, что точка зрения редактора не совпадает с официальной и не может быть выражена открыто. Но от передовиц Аксакова, прорвавшихся в печать, оставалось менее внушительное впечатление, чем от упомяну-

\* Письмо начальника Главного цензурного управления М. И. Щербинина П. А. Валуеву 2 янв. 1864 г. (ЦГИАЛ. Ф. 908. Оп. 1. Д. 676. Л. 53).

\*\* Письмо к А. Ф. Тютчевой 25 июня 1863 г. (ЛН. Т. 19—21. С. 222). Думается, что в цитированной выше статье зарубежный исследователь несколько преувеличил близость позиций Каткова и Тютчева как в польском вопросе, так и в иных проблемах внешней политики. С характеристикой Каткова как «эха тютчевских взглядов» на политическую жизнь Европы столь же трудно согласиться, как и с уподоблением Тютчева — «фанатичного консерватора» — «националисту» Каткову (*Lane R. Op. cit. P. 115—116*).

тых цензурных изъятий, — настолько путаным и неясным, вопреки мнению Тютчева, было их содержание.

Газета Аксакова отличалась от «Московских ведомостей» признанием высоких целей повстанцев, героизма их борьбы. «Спросите поляков, за что они борются, и они ответят громко и смело: за отечество, за свободу, за свою народность и ее независимость. И это так», — писал здесь А. Ф. Гильфердинг\*, которого как поборника славянской идеи высоко ценил Тютчев. И «День» соглашался, что нельзя не воздать восставшим полякам уважения. Подобные мысли яростно опровергались газетой Каткова, на страницах которой польский патриотизм выступал фикцией. Но наряду с этим Аксаков, как и большинство славянофилов, выступал за скорейшее подавление восстания (пока оно не вызвало вмешательства европейских государств), высказывался за военную диктатуру с целью ликвидации «диктатуры революционной Жонда»\*\*.

Однако, не оспаривая целесообразности диктатуры для Литвы, «День» предостерегал от распространения ее на Польшу. Доказывая, что интересы будущего объединения славянских народов вокруг России требуют не отпадения Польши от России, а сохранения ее в рамках империи, газета Аксакова выражала уверенность, что после ликвидации восстания русские и поляки повернутся друг к другу для более тесного сближения. Намекалось здесь и на целесообразность предоставления Польше культурной автономии — опять-таки после подавления восстания.

Позиция Аксакова, столь близкая Тютчеву, была менее последовательной и логичной, чем жесткая программа Каткова, и последний, не без меткости, высмеивал ее двойственность: «Только некоторым русским писателям простительно в одно и то же время удивляться блестящему патриотизму польского движения и советовать тем не менее деятельно приступить к его подавлению, хотя бы то самыми “энергическими мерами”, разумея под этими мерами Бог знает что»\*\*\*.

\* Гильфердинг А. За что борются русские с поляками? // День. 1863. № 15. 15 апр. Посвящая Гильфердингу стихи, поэт обращался к известному ученому-слависту и славянофильскому публицисту: «...русским словом столько лет / Вы славно служите России» (Голос. 1869. № 357. 28 дек.).

\*\* День. 1863. № 19. 11 мая, передовая.

\*\*\* МВ. 1863. № 161. 24 июля, передовая.

Однако такая раздвоенность у Аксакова — и, по-видимому, у Тютчева — возникала неизбежно. Убежденные сторонники освобождения славянских племен от иноземных угнетателей, могли ли они спокойно и безоговорочно поддерживать насильственное подавление восстания поляков за независимость? Но их план всеславянского будущего объединения предусматривал великодержавную Российскую империю как первоочередное условие своего осуществления. Отпадение от нее таких частей, как Польша или Литва, рассматривалось не только как удар по престижу и достоянию империи, но и как угроза самой ее великодержавности. Не видя выхода из противоречия, славянофильская публицистика, настаивая на насильственном удержании Польши, утешала своих приверженцев сентенциями об особом положении славян в составе Российской империи: «...мы никогда не будем такими мастерами в темном искусстве — угнести, стереть, обезнародить чужую народность, как пруссаки или австрийцы» \*.

«Московские ведомости» в решении польского вопроса исходили единственно из потребностей самодержавия, исповедуя исключительно «катехизис самой власти», если следовать выражению Тютчева \*\*. Аксаков, соглашаясь, что практические государственные потребности («теория государственного эгоизма») вынуждают к подавлению восстания, сознавался при этом, что они вступают в противоречие с «вечными началами любви и справедливости» \*\*\*. Солидаризируясь с «Днем», Тютчев отступал от официальной самодержавной точки зрения, противоречил ей.

Однако опасность распада империи, рост в ней «сепаратистских» тенденций, усиливавшихся с развитием капитализма, с процессом складывания буржуазных наций, заставил и славянофилов признать необходимость более жесткого курса русификации, усиления централизации в национальной политике самодержавия.

Характерно с этой точки зрения отношение Аксакова и Тютчева к брошюре Шедо-Ферроти (бар. Ф. И. Фиркса) «Que fera-t-on de la Pologne?» (Bruxelles, 1864), обсуждение которой заняло значительное место в письмах Тютчева к Георгиевскому. <...> Инспирированное антимуравьевской группировкой, это выступление явилось попыткой обоснования необходимости более

\* День. 1863. № 19. 11 мая, передовая.

\*\* Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. <1857 г.>. (1980. 2, 185).

\*\*\* День. 1863. № 19. 11 мая, передовая.

либерального управления в Польше. Показывая опасность курса, проповедуемого «Московскими ведомостями», как возбуждающего к сопротивлению и отпору, брошюра в качестве образца выдвигала правление в Польше вел. кн. Константина Николаевича, будто бы умиротворявшее край гибкой политикой, предусматривающей некоторые уступки (в частности, предоставление Польше в будущем культурной автономии).

Резко отрицательное отношение к брошюре Тютчева и Аксакова свидетельствует о твердости их великодержавной позиции. В выступлениях против брошюры Шедо-Ферроти (горячо поддержанных Тютчевым) Катков не остановился перед намерением на проникновение «польской интриги» в правительственные сферы. Это и вызвало длительные цензурные трудности для его газеты, в ликвидации которых такое участие, при посредстве Георгиевского, принял Тютчев в начале 1865 г. Используя свои высокие связи, он пытался ослабить цензурное противодействие «Московским ведомостям» со стороны министра внутренних дел Валуева, сторонника антимуравьевского курса\*. В конечном счете помогло не заступничество Тютчева — помогла общая обстановка, сложившаяся в 1866 г. после выстрела Каракозова в царя, послужившего сигналом к сплочению реакционных сил. Власть поняла, что позиция Каткова, со всеми ее крайностями, наиболее соответствует ее интересам. Империя, по сути, и не имела других реальных средств осуществления национальной политики, чем те, которые обосновал ее идеолог. Недовольство властей напором и прямолинейностью линии Каткова на протяжении 1864—1865 гг. являлось недовольством не сутью, а формой: предпочтительнее было, чтобы единство и целостность империи он отстаивал не столь грубо и откровенно.

Славянофильские издания перед угрозой распада империи все более изживают остатки либерализма в подходе к национальному вопросу. В частности, «Москва» Аксакова, которую столь энергично поддерживал Тютчев, уже не намекает на «культурную автономию» Польши и критикует правительство (совсем в духе «Московских ведомостей») за недостаточно последовательное и активное проведение курса «на полное слияние» края с империей.

Всякое покушение на строй этой империи, всякий ущерб, ему нанесенный, Тютчев, приверженец абсолютистской монархии, расценивал как угрозу исторической миссии России —

\* Письма к А. И. Георгиевскому 1/13 и 2/14 янв. 1865 г.

объединительнице славян, ее «всемирной судьбе». Врагов самодержавия он отождествлял с врагами России и рассматривал как нечто единое целое — некую общую разнородную коалицию, объединенную целями и близостью средств. Наряду с польской шляхтой он включал сюда остзейских баронов, своей политикой онемечивания прибалтийских районов также угрожавших единству империи. В едином строю с ними воспринимал Тютчев и русских революционеров\*. Такая — «охранительная» по своей сути — точка зрения проводилась и идеологом самодержавия в «Московских ведомостях». Резко отрицательное отношение к «нигилизму», под которым понималась демократическая идеология в самом широком смысле — не только революционная и социалистическая, — также сближает Тютчева с «охранителями». Сущность этой идеологии поэт представлял весьма смутно. Знакомство его с демократической литературой и журналистикой представляется более чем ограниченным. Ссылок на подобное знакомство нет в его письмах даже там, где он обличает «нигилизм». Связей — хотя бы косвенных, опосредованных — с демократической разночинной интеллигенцией у него тоже почти не было\*\*. Общественная среда, к которой поэт принадлежал по происхождению и социальному положению и которой он сознательно ограничил круг своих общений, среда высшего, придворного слоя господствующих классов, высокопоставленных чиновников, и была наряду с официальной журналистикой источником его сведений о «нигилизме»\*\*\*.

Жалобы и сетования поэта на скудость духовной жизни общества, на его умственную апатию, встречающиеся в его письмах начала 1870-х годов, справедливо будет отнести к той сре-

\* Письмо к А. И. Георгиевскому 2/14 янв. 1865 г.

\*\* Из лиц, окружавших Тютчева, имели знакомства в демократической среде лишь поэт Я. П. Полонский (печатавшийся в «Современнике») — сослуживец Тютчева по цензурному ведомству, а также поэт «Искры» Н. И. Кроль.

\*\*\* К. П. Победоносцев, весной 1862 г. в Москве посещавший А. Ф. Тютчеву, записал услышанные в ее гостиной разговоры, весьма характерные для высших сфер. В гостиной старшей дочери поэта (фрейлины императрицы) Анны Федоровны говорили о «политическом поджигательстве» (пожары в Петербурге относили к нему), уверяли, что «зажигатели, не успев в своем плане, хотят взяться за всеобщее отравление»; революционеры в этих светских беседах выступали людьми безнравственными и преступными (цит. по: *Эвенчик С. Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969. № 309. С. 122—123).

де, которую он действительно знал. И его характеристика русского общества начала 1870-х годов как одного «из самых бесцветных, самых заурядных в умственном и нравственном отношении среди тех, что когда-либо появлялись на мировой арене», как общества, где нет стремлений\*, также должна быть отнесена именно к светской среде, с которой он был связан, к которой принадлежал. Незнакомый ему демократический слой русского общества жил интенсивной духовной жизнью, отзвуки которой едва ли доходили до тех высоких сфер, в которых вращался поэт. Так, в начале 1870-х годов — в период наибольших сетований его на «умственную апатию», на отсутствие общественных интересов — разночинная демократическая интеллигенция заинтересованно и пристрастно обсуждала статьи Н. К. Михайловского в «Отечественных записках», П. Миртова (П. Л. Лаврова) в «Неделе», книгу В. В. Берви-Флеровского, последний роман Ф. М. Достоевского «Бесы». «Нигилисты» спорили о том, «что такое прогресс», оправдана ли его цена в России. Мечтали, что страна пойдет своим, самобытным путем развития, не повторив горького опыта западноевропейских государств, избежав язв капитализма. Увлеченные теорией «неоплатного долга» интеллигенции народу, они готовились идти в крестьянство, чтобы вернуть этот долг. Ограничив свои связи высшим обществом, поэт значительно обеднил свою духовную жизнь: многое из того, на чем сосредоточилась демократическая мысль, прямо соприкасалось и с его раздумьями.

Столкнувшись с проявлениями революционного движения и демократической идеологии, Тютчев поначалу не склонен был придавать им серьезное значение. Студенческие волнения, движение молодежи в начале 1861 г. он уподобляет «брыку», т. е. (по В. Далю) беспокойному метанию скота в знойное сводное время\*\*. Тем самым поэт как бы подчеркивал временный, переходящий характер этого движения, связанный с горячим, переходным для страны периодом преобразований. Никаких социально-экономических корней революционно-демократического движения («нигилизма») Тютчев не видит, не улавливая связи между «беспокойным метаньем» молодого поколения и «нищетою и наготой» родного края, тревожившей его мысли и воображение. Он далек от того, чтобы разглядеть в нарождающейся разночинной интеллигенции выразительницу интересов тех «бедных селений», которые существующий строй обрек на непо-

\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 28 сент. 1872 г.

\*\* Письмо к И. С. Аксакову 23 окт. 1861 г.

ту «долготерпенья». Но считая, как и представители официальной идеологии (во главе с Катковым), «нигилизм» величайшим злом русской жизни, Тютчев, в отличие от них, воспринимает это «зло» не как явление случайное, наносное, а как органическое порождение существующего режима, с его произволом и подавлением мысли. Именно поэтому он видит то, чего не хотят признать «охранители», — тенденцию «нигилизма» к росту и распространению. Призывая Аксакова налечь всей силой «праведного омерзения на этих выродков человеческой мысли» (т. е. нигилистов), он обращает внимание, что ими «все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на Божий свет животворной теплотой полицейского начала» \*. Давнее и устойчивое убеждение Тютчева в том, что революционное движение порождается правительственным беззаконием, близко либеральной идеологии. «Вас развратило Самовластье», — обращался он к декабристам. Не принимая их борьбы, которую он оценивал как «вероломство», Тютчев немалую долю ответственности за нее возлагал на тот произвол, который и породил «безрассудную мысль» о перевороте. До конца жизни поэт был убежден, что власть, «которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения» \*\*.

Но понимая, что «насильственным подавлением мысли» можно «только раздражить и усилить зло» \*\*\*, Тютчев не мог не видеть неспособность самодержавия к идейной борьбе, в которой оно обычно действовало насилем — запретом, подавлением, но не оружием мысли.

Для Тютчева еще в дореформенное время становится ясным кризис официальной идеологии. «Безбожие» власти, под которым он понимал отсутствие нравственных идеалов, безыдейность, бездуховность, исповедование исключительно «катехизиса самой власти», неизбежно вели к потере авторитета самодержавной идеологии, к высвобождению молодого поколения разночинной интеллигенции из-под ее влияния, к распространению идей демократии, социализма, материализма.

Не плоть, а дух растлился в ваши дни,  
И человек отчаянно тоскует...

\* Там же.

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 4 янв. 1872 г.

\*\*\* Письмо к А. И. Георгиевскому 16 апр. 1866 г.

Он к свету рвется из ночной тени  
 И, свет обретши, ропщет и бунтует.  
 Безверием палим и иссушен,  
 Невыносимое он днесь выносит...  
 И создает свою погибель он,  
 И жаждет веры — но о ней *не просит...*

Так в стихотворении «Наш век» (1851) воплотились наблюдения поэта над теми сложными идейными процессами, которые он воспринимал как всеобщие, характерные в «наш век неверия больной» не только для России, но и для всей Европы. Православие для Тютчева — необходимейший фактор социального развития, фактор, укрепляющий, очищающий, нравственно сплывающий разнородное пореформенное общество с его растущими противоречиями. Однако, по-прежнему столь упоывая на «ризу чистую Христа», поэт сам был в значительной мере сыном этого «века отчаянных сомнений». Муки человека, который «жаждет веры, но о ней не просит», выражены им с той силой и пронзительностью, которые могли явиться лишь следствием причастности к ним. И. С. Аксаков, близко соприкоснувшийся с внутренним миром поэта, говорил о религии Тютчева как о «вере, признаваемой умом, призываемой сердцем, но не владевшей им всецело, не управлявшей волей, недостаточно освещавшей жизнь, а потому не вносившей в нее ни гармонии, ни единства» \*.

Но тем настойчивей держался Тютчев за религию, видя в ней ту «извне опору», которую не могли дать ни верховная власть, ни существующий строй. И наблюдая, как в среде разночинной интеллигенции утверждается новая, демократическая идеология — с ее материалистическим миропониманием, отказом от религии, освящающей существующий порядок, — поэт расценивал ее как иссушающее безверие, гибельный бунт. Но обезоружить «нигилизм», в его представлении, и можно было только идейно, а не посредством материальной силы.

Когда после выстрела Каракозова (4 апреля 1866 г.) председателем Верховной следственной комиссии был назначен Муравьев («Вешатель»), Тютчев писал: «Я, напр<имер>, радуюсь назначению Муравьева, который, как специалист, лучше и скорее других обличит корень зла, — но вырывать этот корень — на это требуются другие силы, а где они, эти силы?» \*\*

\* Аксаков И. С. Указ. соч. С. 298.

\*\* Письмо к И. С. Аксакову 19 апр. 1866 г.

Это откровенное высказывание в письме к единомышленнику свидетельствует, что, приглашая, по поручению Муравьева, Каткова к сотрудничеству со Следственной комиссией\*, сам Тютчев мало верил в действенность его обличительных «катилинарий». Заинтересованность Муравьева в редакторе «Московских ведомостей» объяснялась желанием, чтобы эта влиятельная газета шире и ярче осветила деятельность Следственной комиссии. Муравьев в своих целях стремился раздуть дело Каракозова до обширного заговора, связанного с «польской справой», и двигал следствие в этом направлении.

Катков же, считавший, что во время польского восстания Муравьев действовал недостаточно последовательно и именно поэтому был преждевременно смещен, уже охладил к нему и на зов Тютчева не откликнулся — в Петербург не приехал. В своей газете он хотя и писал о каракозовском деле как части польского заговора, однако, вопреки намерениям Муравьева, подчеркивал ничтожность «шайки злодеев», ее беспочвенность\*\*. Что же касается мер, пригодных для того, чтобы «вырвать корень зла», то крупнейший «охранительный» публицист, в отличие от Тютчева, верил безгранично и только именно в репрессии.

Идейная несостоятельность самодержавия в борьбе с освободительным движением, политика произвола и подавления мысли («убийственная мономания» в идеологии) — все это заставляло предвидеть рост «нигилизма». Вот почему Тютчев не разделял оптимизма Каткова, с официальной бодростью заверявшего, что зло «нигилизма» не может «долго держаться посреди общества чуткого, бодрого, патриотически настроенного»\*\*\*. И все же быстрота распространения демократических и социалистических идей оказалась для поэта непредвиденной. Симпатии к Парижской Коммуне, которые обнаружили в русском обществе в начале 1871 г., явились для него неприятным открытием и, по-видимому, внушили сомнения в «особой стати» России, поскольку наводили на мысль о сходстве русских и европейских общественных тенденций развития. Тютчева, в предвзятом представлении которого социализм неразрывно соединялся с анархией, безверием, безнравственностью, поразило «горячее сочувствие» к Коммуне «людей серьезных — уче-

\* Письмо к М. Н. Каткову 5 июля 1866 г. // Русский вестник. 1897. № 8. С. 180—181. См. также письмо М. Н. Муравьева М. Н. Каткову 4 июля 1866 г. (ГБЛ. 120. 42. Л. 141—142).

\*\* МВ. 1866. № 82—84 и 89, 19—21 и 27 апр., передовые.

\*\*\* МВ. 1871. № 161 и 162, 24 и 25 июля, передовые.

ных — и даже нравственных»; «не доказывает ли это, — размышлял поэт, — что корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца» \*. Но у самого Тютчева восприятие русского освободительного движения было в определенном смысле как раз умозрительным, опиралось на представление, составленное по самым мутным и недостоверным источникам. Какие, например, объективные данные о нем мог получить поэт по рассказам Муравьева, с которым довольно часто соприкасался в период следствия по делу Каракозова, если даже в официальных документах сведения о программе и тактике революционеров оказались грубо фальсифицированными \*\*.

Как бы ощущая приблизительность и недостаточность своих сведений о революционной России, поэт продолжал пристально всматриваться в нее — столь же враждебную и чуждую, сколь и притягательную. Не это ли заставило его в жаркие июльские дни 1871 г. как на службу ходить в зал суда, где шел первый в России политический судебный процесс — над «нечаевцами»? Надо признать, что для знакомства с русской революционной средой, для ее понимания этот процесс давал материал весьма противоречивый. На суде вскрылись те неприглядные средства и формы борьбы, которые С. Г. Нечаев пытался внести в революционное движение, но которые в нем так и не прижились. «Целый мир тяжелых мыслей и чувств» возбудил у Тютчева суд над «нечаевцами»<sup>2</sup>; но он увидел то, чего не хотела замечать официальная печать, — убежденность революционеров: «Что может противопоставить этим заблуждающимся, но пылким убеждениям власть, лишенная всякого убеждения? Одним словом, что может противопоставить революционному материализму весь этот пошлый правительственный материализм?» \*\*\*

И все же Тютчев верил в то, что возможно избежать революционных потрясений. «Перерождение, а не переворот» — такое стремление он разделял вместе с И. С. Аксаковым и вместе с ним в реформах 1860-х годов видел залог возможности такого развития.

\* Письмо к И. С. Аксакову 7 мая 1871 г.

\*\* В приговоре по делу Д. В. Каракозова революционерам приписываются «средства самые безнравственные, самые преступные», вплоть до грабежей и отравлений; глухо и мимоходом говорится, что ничего подобного в действительности не было предпринято (Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. М.; Л., 1930. Т. II. С. 343—346).

\*\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля <1871 г.>. (1980. 2, 256).

В одном из писем к Каткову <...> Тютчев, по поручению кн. Горчакова, наставляя редактора московской газеты, формулировал точку зрения, которую следовало бы четко проводить: «...настоящ<ая> политика России — не за границею, а внутри ее самой: т. е. в ее последовательном, безостановочном развитии»\*.

Эта точка зрения во многом объясняет ту поддержку, которую встречал у Тютчева миролюбивый курс внешней политики, проводившийся министром иностранных дел, его отношение к войне как величайшему злу. В письмах самого Тютчева, в его публицистике и публицистической поэзии проблемы внешнеполитические явно преобладают над всеми остальными. Такое преобладание характерно и для впервые публикуемых в настоящем томе материалов. Объясняется это не пренебрежением поэта к вопросам внутренней жизни, а своеобразным пониманием их соотношения с вопросами внешнеполитическими. В его письмах не раз мелькает выражение (явно идущее от дипломатической службы) «ключ позиции» или «ключ положения». Определить «ключ позиции», к чему он не раз призывал И. С. Аксакова, — значит наметить наиболее существенный, ключевой вопрос, решением которого спасается положение в целом. Таким «ключом позиции» пореформенной России Тютчев считал решение «самого глубокого, самого заветного из всех наших вопросов» — вопроса славянского, «в своем бесконечном разнообразии», охватывающего все другие вопросы\*\*. Мало веривший в творческие возможности верховной власти, в ее «радение» к реформам, Тютчев полагал, что именно внешнеполитические задачи окажут на внутреннюю политику свое стимулирующее воздействие. Их постановка и решение должны были способствовать осознанию всемирно-исторической роли России и тем самым произвести в ней «нравственный переворот», которому предстояло затронуть и правительство, и все слои общества — от верхушки петербургских чиновников до нигилистов. А все это, в свою очередь, послужило бы толчком к внутреннему преобразению страны.

Преображение это предусматривалось и для государственно-го строя. Понимая невозможность существования самодержав-

\* Письмо к М. Н. Каткову <июль 1864 г.>. Редактор «Московских ведомостей» не раз использовал в своих передовых статьях эту идею, повторяя, что «завоевания, в которых Россия нуждается, предстоят ей не вне, а внутри ее пределов» (см., напр.: МВ. 1867. № 228. 19 окт.).

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 21 июня 1867 г.

вия в неизменном виде, характерном для прошлых веков, Тютчев считал неизбежными некоторые изменения, не касающиеся его основ, но имеющие целью определенную модернизацию этого института, его обновление. При этом он был убежденным противником каких-либо заимствований с Запада, перенесения на русскую почву европейских учреждений и институтов — не только как чуждых, неорганичных для России, но и как на опыте доказавших свою непригодность. Тютчев одинаково отрицательно относился ко всем европейским государственным формам, в его представлении «составляющим, в сущности, одну-единую демократию»\*. Ему равно претили и кайзеровская парламентарная монархия, и «французского бесчинства / Республиканский хитрый строй». Внимательный и осведомленный наблюдатель западноевропейской жизни, поэт отчетливо видел изъяны буржуазной демократии, вполне обнаружившей во второй половине XIX в. свои недостатки. Было очевидно, что строй этот не приобщает народ к государственному управлению и политической жизни, не спасает страну от социальных потрясений.

Справедливо отмечая пороки буржуазного парламентаризма, Тютчев в то же время склонен видеть в нем нечто низшее по сравнению с самодержавием. Он решительно против внесения его принципов в русскую жизнь. «Как убедить народ Русский, чтобы он согласился дать себя опутать, в лице своего единственно законного представителя, царя, — этою ухищренною паутиною, т<ак> с <казать>, обрек себя на умышленную неподвижность, чтобы при каждом живом действии невольно и нечаянно не порвать на себе всей этой ухищренности?» — вопрошал он\*\*.

Славянофильская идеология, к коей Тютчев, не будучи вполне славянофилом, все же чувствовал определенную близость, рассматривала самодержавие как основной из устоев народной жизни, как органичное порождение русской истории, которое необходимо сохранить и в будущем — в качестве основы самобытного развития. Тютчев разделял славянофильскую идею об отсутствии в самодержавной России *средостения* между властью (царем) и народом. При правильном взаимодействии этих начал — народа и власти — «конституционные затеи», доказывал он, не только излишни, но и вредны. Идея самодержавия, жившая в сознании поэта, — порождение не только его

\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 14 янв. 1871 г. (1980. 2, 252).

\*\* Письмо к И. С. Аксакову 19 апр. 1866 г.

ищущей мысли, но и неотделимой от нее фантазии. Являясь в определенной мере реакцией на пороки буржуазной демократии, призванная служить ей антитезой, она воплощала утопическую мечту об отеческой власти над народом, не заслоняемой от него фальшивым представительством. Насколько наивен и незрел Тютчев-монархист, показывает формула, которой он пытался определить закон будущего развития России — «закон нашей возможной конституции». «*Чем народнее самодержавие, тем самодержавное народ*», — по-славянофильски провозглашал он \*. А ведь, как уже говорилось, анализируя конкретные проявления власти, он сомневался даже в том, сможет ли она быть хотя бы посредником между помещиками и крестьянами при проведении реформы, не говоря уже о том, чтобы выразить интересы народа \*\*. Наивный монархизм Тютчева в его решении проблемы государства простирался до утопических рассуждений о «традициях правительственного социализма, составляющих великую славу и основную силу власти в России»; под «правительственным социализмом», как можно догадаться, имелись в виду попечительская политика самодержавия и его роль регулятора в отношениях между различными социальными группами \*\*\*. Но и эту роль самодержавие не в состоянии было исполнить в силу своей феодальной природы, так как оно выражало интересы, прежде всего, дворянства.

В доказательство отрицательного отношения Тютчева к представительным учреждениям и консервативности его политических взглядов обычно ссылаются на эпиграмму «*Ответ на адрес*», написанную в 1865 г. по поводу адреса Московского дворянства:

Себя, друзья, морочите вы грубо —  
 Велик с Россией ваш разлад.  
 Куда вам в члены Английских палат?  
 Вы просто члены *Английского клуба*...

В комментариях к этой эпиграмме во всех без исключения изданиях Тютчева (вплоть до самых последних) объясняется, что она вызвана требованием созыва Земской думы, выдвину-

\* Там же.

\*\* Письмо к А. Д. Блудовой 28 сент. <1857 г.> (1980. 2, 184).

\*\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 2 сент. 1871 г. Разумеется, надежды Тютчева на упорядочение властью цен на топливо были беспочвенными. Самодержавие не выступило регулятором цен даже на хлеб в период голода.

тым московским дворянством\*. Однако в адресе московских дворян, который был отрицательно встречен и либералами, и славянофилами, и революционной демократией\*\*, отразились преимущественно олигархические стремления дворянства. Просьба царя о созыве выборных от «Земли русской», московские дворяне считали необходимым предварительно «допустить избрание лучших людей верного дворянства»\*\*\*. Речь явно шла об особых преимуществах для этих «лучших людей» в будущей Думе, которая мыслилась по английскому образцу — двухпалатной. Газета «Весть» — орган олигархически настроенного дворянства, стремившегося утраченные в ходе реформы привилегии возместить усилением своей политической роли, — недвусмысленно относилась к «лучшим людям дворянства» крупных землевладельцев. Инициаторы адреса (московский предводитель дворянства гр. В. П. Орлов-Давыдов и недавний противник реформы крепостник Н. Безобразов) были весьма близки этой газете, к которой Тютчев высказывал самое неприязненное отношение и с которой издания Аксакова вели серьезную полемику\*\*\*\*. Поэт не случайно называет их членами Английского клуба — столь же крепостнического по составу, как и во времена Фамусова. Тютчев верно уловил, что в истории с адресом «закваска всего дела была нехороша», и ощутил в нем «шляхетское начало»\*\*\*\*\*.

\* Выражая это общее отношение к названной эпиграмме, современный исследователь замечает, что «злая эпиграмма на московских дворян, ходатайствовавших о созыве земской думы» относится к числу стихов, не украшавших Тютчева (*Горелов А. Е.* Указ. соч. С. 115, 118).

\*\* Одно из самых острых выступлений Салтыкова-Щедрина против олигархически-конституционных притязаний российского дворянства, сатира «Завещание моим детям», непосредственно связано с этим «адресом». См. об этом в кн.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. М., 1984. С. 234—235.

\*\*\* «Адрес» был напечатан в газете «Весть» (1865. № 4. 14 янв.) и перепечатан в «Колоколе» в статье Герцена «Прививка конституционной оспы» (Колокол. 1865. Л. 195. 1 марта). Резко критически встретила этот адрес и газета Аксакова (День. 1865. № 3. <16 янв.>, передовая). Еще более критически отнесся к нему «Современник» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Завещание моим детям // Современник. 1865. № 1).

\*\*\*\* Отношение к «Вести» воплотилось, в частности, в эпиграмме Тютчева на ее редактора В. Д. Скарятину («Вы не родились поляком...», 1869).

\*\*\*\*\* Письмо к А. И. Георгиевскому 3/15 февр. 1865 г.

Но и приверженности к идее Земского собора в ее славянофильской интерпретации у Тютчева на протяжении пореформенного десятилетия не обнаруживается. Славянофильская мысль доказывала, что введение подобного учреждения будет возвращением к традиционным формам допетровской истории. Имелся в виду законосовещательный орган, призванный выразить «силу мнения народа», оставив «силу власти царю».

В понимании Тютчева, новые — представительные, но не совпадавшие по своему смыслу с западноевропейскими, — институты должны были постепенно вырасти на почве традиционных устоев русской жизни и ее новых пореформенных учреждений. «Земству, одному всецелому русскому земству, принадлежит в будущем право народного представительства, — но дайте же ему время и возможность сложиться и устроиться. Теперь же всякое представительство будет ложь», — доказывает поэт\*.

Первые шаги либеральной земской оппозиции напоминали ему политическую игру, а не политическую борьбу, которой он был свидетелем на Западе. Такому восприятию способствовала неразвитость политической жизни в стране, отсутствие в ней элементарных гражданских свобод. Изначальная несостоятельность русского либерализма была во многом очевидна для такого пронизательного наблюдателя. Иронически отнесся поэт к разгону правительством Петербургского земского собрания в 1867 г., выдвинувшего самые робкие требования (в частности, протестовавшего против ограничения земской компетенции). С одинаковым сарказмом высмеивает Тютчев обе силы, вступившие в конфликт, — правительство и земство. Пренебрежительную и злую насмешку вызывают у него действия царских сатрапов, готовившихся к операции по укрощению земства, как к сражениям на баррикадах, осуществивших ее без единого намека на сопротивление, но императору доложивших о ней как о весьма рискованной и сложной; и столь же нелепыми и достойными осмеяния предстают в его глазах земцы, сдавшиеся без боя, заранее отступившие от своих же требований, для них самих не очень ясных\*\*.

Судебная реформа была встречена Тютчевым столь же благожелательно, как и земская. С механизмом действия нового суда он впервые на практике познакомился на первом политическом процессе в 1871 г. Приговор «нечаевцам», на «мягкий» характер которого негодовала официальная и официозная печать, он

\* Там же.

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 22 янв. 1867 г.

счел справедливым \*. Восхищение его вызвала талантливая адвокатура, которую он впервые узнал на этом процессе, — и это опять-таки шло вразрез с оценками казенной прессы \*\*. Самая демократическая из всех проведенных самодержавием реформ — судебная, вводившая в русскую жизнь суд присяжных, гласность, состязательность судебного процесса, подвергалась и самым ожесточенным нападкам «охранителей». И Катков, и набиравший тогда силу Победоносцев<sup>3</sup> все более проникались убеждением в несовместимости новых судебных учреждений с самодержавным строем и его принципами. Свои доказательства этому давал для них и первый политический процесс, возбудивший сильное недовольство в «верхах». В Тютчеве же он поселил уверенность, что новый суд сыграет важную роль в обновлении общественного строя. Радостно изумляясь тому, «до какой степени привился у нас правильный и самостоятельный суд», Тютчев увидел в нем «могучий зародыш новой России» \*\*\*.

Как видно из публикуемых писем поэта (особенно к Каткову и Георгиевскому), его волновали и проблемы образования, реформа учебного дела в стране. Резко отрицательно отнесся он к деятельности министра просвещения А. В. Головнина, подготовившего учебную реформу 1864 г., которая увеличивала контингент учащихся в средних учебных заведениях и несколько облегчала сам учебный процесс. Столь же отрицательно встретил Тютчев и университетский устав (1864), расширявший автономию университетов. В неприятии этих преобразований сказались антидемократические тенденции во взглядах поэта. В противодействии Головнину он вполне сошелся с Катковым \*\*\*\*.

\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля <1871 г.> (1980. 2, 256). О недовольстве в «верхах» приговором и одобрении там передовиц Каткова, осуждавших его мягкость, сообщил хорошо знакомый Тютчеву Б. М. Маркович в письме к Каткову 26 ноября 1871 г. (ГБЛ. 120. 8.1. Л. 92). См. также: *Никитенко*. 3, 212.

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 17 июля <1871 г.> (1980. 2, 256). Действия адвокатуры на процессе «нечаевцев» подверглись особым нападкам Каткова, доказывавшего неуместность состязательного характера процесса над «государственными преступниками» (МВ. 1871. № 254 и 260. 21 и 26 нояб.).

\*\*\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 13 июля 1871 г. (Старина и новизна. Кн. 22. С. 259). Это же определение нового суда как «могучего зародыша новой России» повторяется и в письме к А. Ф. Аксаковой 17 июля <1871 г.> (1980. 2, 256).

\*\*\*\* Письмо к М. Н. Каткову 7 окт. 1863 г.

Редактор «Московских ведомостей» явился одним из вдохновителей реформы 1871 г., вволившей в основу учебного дела принцип классицизма с его сосредоточенностью на древних языках, ограничением преподавания словесности и особенно естествознания, в котором официальная идеология усматривала основу материализма. Однако еще ранее, чем реформа была проведена в жизнь, Тютчев стал убеждаться в непригодности классической системы на практике. Лицей Каткова в Москве, где обучался сын Тютчева и Е. А. Денисьевой Федя, по замыслу его основателя, должен был стать образцом классического образования. Но и сам Федор Иванович, и старшая дочь поэта, умная Анна Федоровна Аксакова, в семье которой воспитывался Федя Тютчев, наблюдая воздействие разработанной Катковым системы в повседневной действительности, воспринимали ее все более отрицательно. «Классическая система всегда казалась мне самым жалким из предрассудков, которые обличают в тех, кто их еще принимает, расположение к монополии» \*. Тютчев верно угадал смысл классического образования — как «системы всеобщего отупения», сводившейся к устранению посторонних (неофициальных) влияний на молодое поколение. Несомненно, что для поэта была ясна несостоятельность реформы в предотвращении распространения «нигилизма». Высказав себя противником классицизма, Тютчев расходился в этом вопросе с такими яркими его приверженцами, как весьма близкие ему в повседневной жизни И. Д. Делянов, А. И. Георгиевский, Б. М. Маркович — видные деятели реформы 1871 г.

Во впервые публикуемых письмах поэта, как и в ранее известных, отразился особо пристальный интерес его к политике в области печати, ко всем ее зигзагам — от «послаблений» до ужесточений. Интерес этот связан с жизненным призванием поэта, с его общественной и публицистической деятельностью и, наконец, с его службой в цензурном ведомстве. Печать для него была мощным фактором воздействия на правительство и общество. Реформы ее он не просто ждал с нетерпением, но и всемерно старался ей содействовать.

В 1857 г., используя посредничество кн. Горчакова, Тютчев пишет с этой целью «записку», где выступает за ограничение

---

\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 20 дек. 1870 г. (ЛН. Т. 19—21. С. 223); см. также письмо к А. Ф. Аксаковой 6 окт. 1871 г. Неприятие Тютчевым принципов классицизма подтверждается и его отрицательным отношением к уваровской системе образования, в основу которой они также были положены (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. II. С. 677).

цензуры, доказывая, что в интересах самой власти не следует «налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение»\*. Однако «в верхах» не считали цензурную реформу неотложной. Новый устав о печати был подготовлен лишь к 1865 г. Тютчев отнесся к нему критически, но, сохраняя некоторые иллюзии (по-видимому, не без влияния неофициальных заверений Валуева), рассматривал его как меру переходную, имеющую цель «вести русскую печать от ее прежней бесправности — к полноправию закона, со всеми его необходимыми гарантиями»\*\*.

Сам весьма неудовлетворенный уставом, он в то же время отрицательно встретил критику его на страницах демократической и либеральной журналистики. Ни в чем, казалось бы, Тютчев так близко не сходил с демократической мыслью, как в отношении к печати, к цензуре. Однако, не допуская и возможности действовать вместе с «Современником», настойчиво обращавшим внимание на непригодность нового устава по делам печати, Тютчев — в целях давления на правительство — ориентировался на издания более ему близкие, но значительно менее последовательные в подходе к цензурной реформе. Он пытается привлечь «Московские ведомости» к обоснованию и пропаганде политики «невмешательства» правительства в дела прессы. Заручившись обещанием Валуева, которое выполнено не было, он уверял Каткова, что в «Северной почте» статья с подобным обоснованием уже готовится. Разумеется, ничего похожего не появилось и не могло появиться в органе Министерства внутренних дел. Правительство не собиралось давать «гарантии» невмешательства в дела печати — это было бы противно принципам самодержавия. Что касается Каткова, в союзники в борьбе с цензурой он явно не годился. Предпочитая добиваться для своих изданий исключения из общих правил путем закулисных переговоров в «верхах», редактор «Московских ведомостей» отнюдь не был заинтересован в облегчении этих правил для всей печати.

По письмам Тютчева можно проследить, как надежды в области цензурной политики сменяются у него столь же сильным разочарованием, с тем чтобы снова дать место иллюзиям. Каждая перемена в личном составе цензурного управления сопро-

\* «О цензуре в России» (1912, 503 <на фр. яз.>). Эта «записка» была опубликована лишь незадолго до смерти Тютчева (Русский архив. 1873. Кн. I. № 4).

\*\* Письмо к М. Н. Каткову 13 окт. 1865 г.

вождалась такими иллюзиями, каждое столкновение с его чиновниками в живом и серьезном деле — горечью и отчаянием. Сущность цензурной политики поэт в значительной мере постигал не на службе, внутри цензурного ведомства, а вне его, когда в качестве заинтересованного и пристрастного лица следил за борьбой с цензурой И. С. Аксакова. В русской периодической печати аксаковские издания были ему самыми близкими — особенно «Москва» (издававшаяся с конца 1866 г.) и заменявший ее на время цензурных приостановлений «Москвич». Издания были затеяны при содействии крупной московской буржуазии, стремившейся иметь свой печатный орган и пожелавшей в этих целях воспользоваться литературным именем и публицистическим талантом Аксакова\*.

С «Москвой» Тютчев не просто солидаризировался, как с «Днем», — он ее всемерно поддерживал, содействовал ей всеми способами. К моменту ее издания (с января 1867 г.) он уже породнился с Аксаковым, ставшим мужем его старшей дочери Анны Федоровны. Однако письма Федора Ивановича к Аксаковым обращены скорее к единомышленникам, нежели к зятю и дочери. Семейные заботы и тревоги (связанные, в частности, с трудной беременностью Анны Федоровны, вышедшей замуж далеко не молодой) отступают перед вопросами общественными. В этом смысле письма поэта Аксаковым принадлежат не столько эпистолярному жанру, сколько публицистике.

Задуманная как газета «политическая, экономическая и литературная», «Москва» уделяла преимущественное внимание проблемам экономического развития России — сказывалось желание участвовавших в ее основании промышленников. Львиная доля передовых статей посвящена отстаиванию протектористской политики, системе тарифов, которая могла бы оградить молодую русскую промышленность от иностранной конкуренции, положению ее различных отраслей — от металлургии до бумагопрядильного производства, железнодорожному строительству и судоходству. В письмах Тютчева откликов на эти материалы газеты почти нет. Значительно больший интерес, судя по письмам, проявлял он к общественно-политическим выступлениям газеты — защите ею новых судебных учреждений, земства, гласности «от притязаний и тупого непонимания

---

\* Справедливо наблюдение, что славянофильство отвечало определенным стремлениям части русской буржуазии своим отстаиванием национальных интересов русской промышленности и поддержкой реформ 1860-х годов (Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 128).

и благонамеренного невежества». Главное же в письмах поэта к Аксаковым — проблемы внешней политики России. Центральный вопрос, на котором фактически сконцентрированы эти письма, — славянский.

В своеобразном панславизме Тютчева, да и Аксакова, в это пореформенное время произошли явные изменения. И дело не в том, что панславизм этот «ослабел» и что «великая миссия России как объединительницы славянства уже поставлена Тютчевым под сомнение»\*. В эту миссию поэт продолжал верить безгранично, однако понималась роль России уже несколько иначе. Если пользоваться терминологией тех лет, тютчевский «политический панславизм» все более уступал место «панславизму духовному». Будущее объединение славян мыслилось, прежде всего, на культурно-исторической, а не на самодержавно-государственной основе. Особое значение в нем поэт отводит нравственным связям, общности религии и культуры. Россия, в его понимании, должна явиться по отношению к славянским племенам силой не внешней, хотя и дружественной, а неким нравственным и идейным центром их сплочения. Основой объединения должны стать общая культура, язык (русский), православие, а главное — взаимная необходимость в этом союзе, оплоте против чужеземных завоевателей и притязаний католицизма. В аксаковской «Москве» историческая миссия России и понимается как пробуждение славянских народов к жизни, к борьбе за независимость от чужеземного ига, к сплочению вокруг естественного для них идейного и культурного центра, каким представлялась Российская империя. Газета не только не предпринимала политические формы этого славянского братства, но как раз и подчеркивала, что это вопрос отдаленного будущего, что он «еще не существует как настоящий политический вопрос, еще не поставлен событиями»\*\*. В идее всеславянского единства под главенством Российской империи больше поэзии, фантазии, мифотворчества, чем политического реализма. Однако все ближайшие политические задачи, которые соразмерялись с этой главной стратегической целью — самой по себе иллюзорной, — ставились Тютчевым весьма трезво и продуманно. И хотя все события в Европе, расстановка в ней сил оценивались опять-таки с точки зрения содействия этой же, по сути утопической, цели, оценки Тютчева были реалистическими и, как правило, точными.

\* Королева Н. В. Указ. соч. С. 222.

\*\* Москва. 1867. № 175. 9 нояб., передовая.

Курс министра иностранных дел кн. Горчакова на выход России из политической изоляции, на ликвидацию позорного Парижского трактата (результата поражения в Крымской войне), на усиление влияния России на Балканах находил поддержку в славянофильской печати. Одобрял его и Тютчев, считая при этом, что проводится он недостаточно активно. В письмах его немало сетований на косность и «бессознательность» в высших сферах по отношению к внешнеполитическим задачам, на неумение правительства оценить вновь возникающие трудности, понять свои выгоды, правильно учесть сложившуюся обстановку. Поддерживая политику Министерства иностранных дел как миролюбивую и соответствующую национальным интересам России, Тютчев считал, что ее непрерывно надо «подталкивать». Газета Аксакова, рассчитанная на влияние не только «на публику», но и на «верхи», и должна была в этом смысле способствовать активизации внешней политики. В своих письмах Тютчев указывал на те слабые звенья в этой политике, на которые газета должна была обратить внимание. Не раз Тютчев предлагал редактору «налечь всей силой убеждений» на тот или иной вопрос, недостаточно учтенный русской дипломатией или же, с его точки зрения, не совсем верно ею понятый. И Аксаков в своих передовых «налегал» на разъяснение настороженно-враждебного отношения наполеоновской Франции к усилению России, мотивируя невозможность прочных соглашений между ними. Анализировал противоречия между Пруссией и Францией, показывая их непримиримость (Тютчев уже в середине 1860-х годов считал войну между ними неизбежной), обосновывал необходимость ориентации на Пруссию, заинтересованную в ослаблении Франции, обращал внимание на опасность союза последней с Австрией и указывал на способы, которыми можно было предотвратить этот союз. В соответствии с советами Тютчева, рассыпанными в его письмах, «Москва» поддерживала национально-объединительные движения в Италии и Пруссии, разоблачала вредную роль папства, его притязания на политическое господство. Тютчев же подсказал важность вопроса о судьбах австрийских славян в преддверии распада Австрийской империи. Серьезное внимание уделяла газета Аксакова внутренним противоречиям в западных странах — рабочему и социалистическому движению в них. Тютчев считал их важным фактором внешней политики.

Роль Тютчева в аксаковских изданиях — тема, требующая специальной разработки и весьма плодотворная для изучения и журналистики, и общественной борьбы в пореформенной Рос-

сии. Но даже самый общий сравнительный анализ публицистики «Москвы», «Москвича» и содержания тютчевских писем дает возможность говорить о фактическом сотрудничестве поэта в изданиях Аксакова — настолько ясно вырисовывается его роль в решении ряда внешнеполитических проблем, в расширении международной тематики этих изданий. Вряд ли можно переоценить значение для них Тютчева и как источника информации. Всегда хорошо осведомленный благодаря связям в «верхах», он снабжал редактора сведениями о расстановке сил в правительстве, о возможных здесь перемещениях, о готовящихся мерах в области внутренней политики и предпринимаемых шагах в области политики внешней.

Далеко не все рекомендации Тютчева принимались. Так, Аксаков не внял настоятельному совету не касаться прибалтийского вопроса и продолжал указывать на опасность онемечивания остзейскими баронами коренного населения края. Это послужило одной из причин недовольства газетой министра внутренних дел Валуева, вынужденного считаться с сильным влиянием при дворе группировки крупных прибалтийских землевладельцев. Не воспользовался Аксаков и идеей поэта отстаивать необходимость русского языка в качестве общего для всех славянских племен, что, по мнению Тютчева, должно было сыграть решающую роль в развитии славянской общности\*.

Личность по-своему незаурядная, вполне сложившийся как писатель, публицист, общественный деятель, Аксаков вовсе не был рупором Тютчева. Сотрудничество их основывалось на общности или сходстве позиций, при определенной независимости каждого. Вот эпизод из истории издания «Москвы», подтверждающий и самостоятельность Аксакова, и то, что он, в свою очередь, оказывал влияние на поэта.

23 ноября 1867 г. (т. е. в день рождения Тютчева) «Москва» получает второе предостережение цензуры (за резкую критику таможенной политики правительства). 26 ноября Тютчев пишет редактору, предлагая ему план действий: на предостережение ответить молчанием и, выждав несколько дней, изложить «со всевозможною сдержанностью и спокойствием <...> profession de foi»\*\* своего издания, «начиная с самодержавия и кончая <...> тарифом». 28 ноября появляется самая большая в истории издания передовица, равная по объему трем обычным (7 столбцов, полторы газетной полосы), излагавшая, как и сове-

\* Письмо И. С. Аксакову 10 июня 1867 г.

\*\* символ веры (фр.). — *Ред.*

товал Тютчев, программу Аксакова — «от самодержавия до тарифа». Однако изложение сделано в прямой полемике с властью, давшей предостережение, с целью доказать его необоснованность. Аксаков отвечал не только противникам, но и единомышленникам, советовавшим ему смириться, промолчать в ответ на цензурную кару. «Мы не можем молчать, — возражал на это редактор, в том числе и Тютчеву, — не должны молчать: молчание с нашей стороны было бы преступлением» \*. Статья гневно и резко (Тютчев же настаивал: «чем сдержанней, тем действенней») обвиняла «высшую литературную полицию» (цензуру) в оскорблении достоинства гражданина, писателя, русского человека. 29 ноября последовало третье цензурное предостережение, означавшее прекращение издания. И Тютчев, хотя и советовавший иной путь действий, не может не восхититься этим «актом гражданского мужества», не может не признать «нравственной силы» аксаковского протеста.

Много, но безрезультатно пришлось потрудиться Тютчеву, отстаивая эту дорогую для него газету от нападков цензуры в условиях начавшейся в 1866 г. правительственной реакции.

Судьба аксаковских изданий, несмотря на огромную закулисную помощь Тютчева, вооруженного значительными связями в правящих сферах, — еще одно подтверждение несовместимости самодержавия с какими бы то ни было отклонениями от казенного мирозерцания, подтверждение нежелания власти мириться с «инакомыслящим» органом, даже верноподданническим в своих основах. За два года существования «Москва» получила девять предостережений, трижды приостанавливалась и, наконец, в феврале 1868 г. была прекращена \*\*. Тютчев справедливо считал деятельность редактора этого славянофильского издания борьбой, сравнивая участь его жены, своей дочери Анны Федоровны, с долей «жены солдата». Таким своеобразным полем битвы была и вся русская неофициальная журналистика, но для разных ее участков характерен и разный накал борьбы, и разная степень ее опасности, и разница в приносимых жертвах. Не жалевший в этой борьбе «усталых сил», Аксаков поплатился за нее своими изданиями и немалыми средствами, в них вложенными. Отвергая его направление, самодержавие проявляло свойственную ему идейную нетерпимость, но ощущало при этом славянофильскую журналистику не врагом, а лишь вредной помехой, которую следует устранить. Запре-

\* Москва. 1867. № 189. 28 нояб.

\*\* Материалы о цензуре и печати. Ч. 2. С. 7—14.

щая одно за другим аксаковские издания, правительство не закрывало их руководителю возможность дальнейшей публицистической деятельности, и она продолжалась — вплоть до начала 1880-х годов. Иная участь ждала тех, кто боролся в печати за новую Россию — без самодержавия и крепостничества: вспомним судьбы Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Шелгунова, Михайловского, Станюковича.

Во впервые публикуемых <...> письмах Тютчева отразилась вся гамма чувств, которые поэт испытал, следя за единоборством Аксакова с цензурой, — от бессильного негодования до растерянности и горечи. «Объявить преступным направление такого издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, главное отрицание которых равнялось бы *государственной измене*, — это нечто близкое к безумию!» — восклицал он в смятении\*. Драматизм положения и редактора славянофильского органа, и стоявшего за ним (и рядом с ним) его единомышленника и вдохновителя Тютчева в том и состоял, что, искренне считая себя служителями существующего строя, ревнителями его принципов и начал, не сомневаясь, что своей критикой они лишь укрепляют эти начала, в глазах самодержавия они оказались не только ненужными, но и вредными. Тютчев, не раз отмечавший тягу власти к «убийственной мономании», так до конца и не понял, что самодержавие претендовало не только на идейную гегемонию, но и на идейную монополию, стремилось к такому «единомыслию» своих подданных, которое исключало бы иные, кроме казенной, точки зрения на его политику и идеологию. Поэт не хотел соглашаться с тем, что «свободная печать невозможна при самодержавии», отстаивая в споре противоположное мнение\*\*. Но чем же он мог его подкрепить? Не менее красноречиво, чем запрещением «Москвы», власть заявила свое отношение к свободе печати и в связи с адресом Московской городской думы 1870 г. Адрес, составленный Аксаковым и одобренный Тютчевым, был отвергнут правительством из-за робкой просьбы предоставить «большой простор мнению и печатному слову, без которых никнет дух народа и нет места искренности и правде в его отношении к власти»\*\*\*. То,

\* Письмо к И. С. Аксакову 2 янв. 1869 г.

\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 3 апр. 1870 г. (1980. 2, 243).

\*\*\* См. текст адреса в кн.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1929. Ч. II. С. 208 и след.

что так и не смогли уразуметь Аксаков и Тютчев, находившиеся в плену отвлеченных представлений о самодержавии, прекрасно сознавали Катков и Победоносцев, исходившие во всем из интересов и потребностей этой власти, этой меркой все мерившие. Они-то понимали ее несовместимость с «простором мнений». «Не могли же вы ожидать, — втолковывал Аксакову Победоносцев, — чтобы государь понял и принял в идее, как целое, формулу свободы: слишком хорошо известно, что в последнее время стало ему подозрительно все, что разумеет свободу как право, утвержденное на идее»\*.

Приверженность гласности, протест против утеснений свободы мнений, слова, печати, совести, сближавшие Аксакова и Тютчева с демократической мыслью, остались наиболее стабильными и прочными в их взглядах. Переживший Тютчева на тринадцать лет идеолог славянофильства продолжал по-своему отстаивать необходимость гласности, свободы печати, вызывая злобное раздражение Победоносцева. Этот последний в письмах к Е. Ф. Тютчевой жаловался на «незрелость» Аксакова, посмевшего защищать свободу слова в сложной обстановке нового революционного подъема на рубеже 1870—1880-х годов\*\*.

Отдавая должное верности Аксакова и Тютчева принципу свободы печати, нельзя не отметить и определенную их непоследовательность в его отстаивании. Причем у Тютчева, связанного службой в цензуре, непоследовательность эта значительно большая. Отрицавший административное вмешательство в сферу мысли, настаивавший на том, чтобы силе идей было противопоставлено идейное же влияние, а не насилие, Тютчев твердо стоял на такой точке зрения, если дело касалось изданий ему близких, но отступал от нее, когда речь шла об органах печати идейно ему чуждых. Сообщая, что в Главном управлении по делам печати «решительно доконали “Русское слово”, определивши ему третье предостережение», поэт, как бы оправдываясь, объясняет: «Я, как вы знаете, враг подобных экзекуций, но что прикажете делать? Сама печать виновата», — так как, по его словам, не противодействует «всей этой неурядице и бесчинствам, а там, где *Разум* не действует, поневоле надо прибегнуть к *Дубинке*, что, однако же, очень прискорбно»\*\*\*. Нельзя

\* Письмо К. П. Победоносцева к И. С. Аксакову 18 дек. 1870 г. // Красный архив. 1928. Т. 6 (31). С. 153.

\*\* Письма К. П. Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой, 1878—1881 гг. (ГБЛ. 4408. 13 и 4409. 1 и 2).

\*\*\* Письмо к А. И. Георгиевскому 15 февр. <1866 г.>.

не видеть, что эти доводы весьма напоминают казенные «объяснения» той или иной расправы с инакомыслящими изданиями, которые правительство всегда закрывало «с прискорбием», доказывая, что доводы разума бессильны.

Когда в мае 1866 г. были запрещены демократические журналы «Современник» и «Русское слово», Тютчев воспринял этот грубый произвол весьма спокойно. Расценив эти правительственные акции как «самые примитивные» — «нечто в роде лечения от зубной боли посредством удара кулаком по зубам», — он несколько цинично добавляет: «Иногда и это помогает» \*. А ведь речь шла о явном беззаконии — журналы были закрыты, вопреки существующему законодательству о печати, без судебного разбирательства и судебного же постановления. Их общественное значение несравнимо с изданиями Аксакова. Славянофильский орган только собирался завоевывать под свое знамя «свою рать», а у «Современника» и «Русского слова» эта рать читателей — разночинцев уже существовала. Но здесь почему-то Тютчев не вспоминает о своих принципах, оправдывая насилие, столь, казалось бы, ему противное, в качестве «довода» идейной борьбы.

Служба Тютчева в Комитете иностранной цензуры достаточно изучена \*\*. Исследователи отмечают, что он был «либеральным» цензором, не очень ревностным, стремившимся по возможности облегчать допуск иностранной литературы в Россию. Симптоматично, что карьеры на этом поприще Тютчев так и не сделал \*\*\*. Работу цензора он не только не любил — она его тя-

---

\* Письмо к А. И. Георгиевскому 8 июня 1866 г. И. С. Аксаков был более последователен, когда высказывался против запрещения «Современника», доказывая, что только идейная борьба может подорвать его влияние, а репрессии, напротив, увеличат авторитет демократического журнала (Письмо к А. Д. Блудовой 5/6 окт. 1861 г. // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. IV. С. 192).

\*\* *Брискман М. Ф.* И. Тютчев в Комитете цензуры иностранной // ЛН. Т. 19—21. С. 565—578. — Специальный раздел о Тютчеве-цензоре см.: *Пигарев*, 158—168.

\*\*\* Будучи в 1848 г. назначен старшим цензором при особой канцелярии Министерства иностранных дел, в 1858 г. Тютчев становится председателем Комитета цензуры иностранной. Это и было вершиной его служебной карьеры. А вот для близкого знакомого поэта (его многолетнего соседа по петербургскому дому), ограниченного, не отличавшегося ни способностями, ни образованностью И. Д. Деянова цензура послужила основанием успешной карьеры — он сумел продвинуться до поста министра народного просвещения.

готила. Еще в середине 1850-х годов, рассказывая жене, как его «распекали» на службе, он высказывал желание швырнуть своему начальству то содержание, которое ему выплачивали, и открыто порвать «с этим скопищем кретинов», как называл он чиновников цензурного ведомства\*. Не раз он и официально заявлял и «малое сочувствие» свое «направлению, данному делам печати», и готовность оставить службу\*\*.

Поэт, публицист, мыслитель и общественный деятель, Тютчев на своем служебном месте превращался в винтик хорошо налаженной бюрократической машины. Всякое сопротивление ее predetermined движению было безнадежно. Его возможности использования своего положения цензора для содействия изданиям, которые он признавал полезными, были ничтожны. Тютчев сам понимал, что судьбы всех неофициальных изданий решались не в цензуре, а выше; цензура лишь оформляла эти решения, но не могла сколько-нибудь серьезно влиять на них\*\*\*.

О своей цензурской службе Тютчев сказал в известном стихотворении, посвященном П. А. Вакару. В нем, строго говоря, справедлива лишь первая строка: «Веленью высшему покорны...» Что касается сравнения цензуры с «почетным», а не «арестантским» караулом «при мысли», то здесь с поэтом не согласилось бы большинство представителей русской неофициальной печати (не только демократического, но и либерального ее направлений)\*\*\*\*.

В высших придворных сферах, которые были для поэта привычной средой, именно коронная служба, а не служение искусству, литературе считалось занятием достойным и престижным. Влияние этих убеждений сказалось в деланно пренебрежительных высказываниях Тютчева о своих стихах. Некоторые исследователи с излишней доверчивостью относятся к этим высказы-

\* Письмо к Э. Ф. Тютчевой 23 июля 1854 г. (1980. 2, 157).

\*\* Письмо П. А. Валуева Тютчеву 7 дек. 1866 г. // ЛН. Т. 19—21. С. 594.

\*\*\* См., например, письмо к А. Ф. Аксаковой 23 авг. 1867 г.

\*\*\*\* Что касается П. А. Вакара, то к тому времени, когда в аксаковской «Руси» (1880. № 2. 11 ноября) появилось это посвященное ему стихотворение Тютчева, он стал одним из самых ревностных гонителей печати, выполнявшим свою работу с большим «задором». Доклады цензора Вакара о демократических и социалистических тенденциях в провинциальной печати весьма напоминают полицейские доносы (ЦГИАЛ. Ф. Главного управления по делам печати, 776. Оп. 12, 1880 г. Д. 7; Оп. 11. 1879 г. Д. 19, 47).

ваниям, повторяя, что поэзия для Тютчева была неким побочным увлечением, чуть ли не «бумагомараньем», что относился он к ней едва ли не с равнодушием, а подлинную страсть испытывал к политике и дипломатии \*. Но у Тютчева, есть и совсем другие признания, например, что он «более всего любил в мире отечество и поэзию» \*\*. Главным же опровержением будто бы присущего поэту сознания второстепенности, необязательности для него поэзии служат сами его стихи — глубина их содержания, сила воздействия на читателя. И прав был Л. Н. Толстой, сказав, что поэзия для Тютчева «святая святых, которую он свято чтит и куда не допустит никого из недостойных» \*\*\*. Уверения в равнодушии к своим стихам — своего рода «светская» маска, надевавшаяся в том окружении, где не могли оценить его значения как поэта \*\*\*\*. Судьба Тютчева по-своему подтвер-

\* «Поразительно, что сам Тютчев относился к собственному творчеству едва ли не с холодным равнодушием. “Бумагомаранье” — называл он свои стихи», — пишет Г. Красухин и, не сомневаясь в подлинности подобного отношения, стремится объяснить его «реакцией поэта на непонимание» (*Красухин Г. Указ. соч. С. 93—94*). А. Тархов связывает «пренебрежительные отзывы» Тютчева о своем творчестве с «духовным кризисом поэта» (*Тархов А. Творческий путь Тютчева // Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1972. С. 12*). О подобном же «необычном» отношении Тютчева «к своей поэзии и к себе как к поэту» говорит и другой видный исследователь его творчества (*Бухштаб Б. Я. Поэзия Тютчева // Тютчев Ф. И. Весенняя гроза. Лирика. Письма. Тула, 1984. С. 350, 352, 353*). Мысль о «непонятном», даже «чудовищном равнодушии Тютчева к собственным поэтическим созданиям» высказывает и Е. Н. Лебедев (*Лебедев Е. Н. Как наше слово отзовется... // Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. М., 1978. С. 7—8*). Это же мнение повторяется и в одном из последних изданий произведений поэта (*Гречнев В. Я. Поэт-мыслитель // Тютчев Ф. И. Лирика. Письма. Л., 1985. С. 274*). Истоки подобных суждений находим в высказываниях не только самого поэта, но и его первых интерпретаторов. Так, Б. Я. Бухштаб (*Указ. соч. С. 353*) ссылается на мнение А. А. Фета. И. С. Аксаков также говорил о «пренебрежении» Тютчева к своим творениям (*Указ. соч. С. 300*).

\*\* Письмо к В. А. Жуковскому 6/18 окт. 1838 г. (*1980. 2, 33*).

\*\*\* *Ланский Л.* Встреча на волжском пароходе. Из воспоминаний М. А. Веневитинова // *Вопросы литературы. 1983. № 11. С. 184.*

\*\*\*\* См. об этом замечание зарубежной исследовательницы, объясняющей пренебрежительные высказывания Тютчева о роли поэзии реакцией на «равнодушие и пренебрежение аристократического общества к поэту» (*Бочева Милка. Лирика на Тютчев. София, 1980. С. 42 и след.*).

ждает, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» \*. Идеология господствующего класса, к которому поэт принадлежал, неизбежно воздействовала на него, мешая ему в полной мере осознать и свое истинное призвание, и его общественную роль. Живший наиболее полной и напряженной духовной жизнью именно в поэзии, Тютчев в силу некоторых предвзятых представлений высказывался о ней как о занятии не очень существенном. Созданный им образ музы-«примири-тельницы», которая

...с небес слетает к нам —  
Небесная к земным сынам,  
С лазурной ясностью во взоре —  
И на бунтующее море  
Льет примирительный елей, —

плохо согласуется с трагической и мужественной поэзией Тютчева. Но истинная муза Тютчева не похожа и на музу его младшего современника, поэта, ставшего особенно близким русской демократической интеллигенции, — «в крови, кнутом иссеченную музу» Некрасова. Социально-политические темы, определившие содержание творчества Некрасова, оставались чуждыми тютчевской поэзии. По замечанию Ф. М. Достоевского, подтвержденному другими современниками, Тютчев «не оставил такого горячего следа, как Некрасов» в духовной жизни своего времени \*\*.

Встречается наивное объяснение, что Тютчев не нашел путь к читателю-современнику потому, что издавался редко и мало. Думается, самые большие тиражи изданий не приобрели бы ему в пореформенной России массового читателя, поскольку им мог быть только интеллигент-разночинец, тяготевший преимущественно к поэзии гражданской, социальной.

И все же демократическая интеллигенция не прошла мимо Тютчева! Сохранились лишь отдельные, разрозненные высказывания, свидетельствующие об этом, но они принадлежат тем, кого действительно можно считать выразителем ее дум и чувств, — Чернышевскому, Добролюбову, Некрасову, Плеханову<sup>4</sup>.

Поистине Тютчеву не дано было предугадать, как отзовется его слово в этой среде, которую он считал грубо материалистической, оторванной от духовных запросов. Разночинец-демо-

\* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

\*\* Достоевский Ф. М. <О Некрасове> // ЛН. Т. 86. С. 91.

крата должны были привлечь в поэзии Тютчева глубина постижения внутреннего мира человека, понимание его жизни как нескончаемой, повседневной борьбы — борьбы, в которой может не быть победы, но где важно выстоять, не дать одолеть себя Судьбе\*.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,  
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!  
Над вами светила молчат в вышине,  
Под вами могилы — молчат и оне.

Эти строки из стихотворения «Два голоса» кажутся написанными о тех и для тех, кто в глухую пору отсутствия широкого народного движения начал героическое единоборство с самодержавием, рассчитывая только на свои силы. И как бы от их имени поэт-народоволец П. Ф. Якубович, побывавший в гуще этой борьбы, переживший каторгу и ссылку, сказал, чем близка его поколению поэзия Тютчева: «Тревожная, полная горьких диссонансов, эта могучая поэзия ценна именно тем, что держит мысль и чувство читателя в постоянном напряжении, зажигая тоской по идеалу»\*\*.

Подведем же некоторые итоги рассмотрению общественно-политических взглядов Тютчева, его позиции в идейной борьбе 1860-х — начала 1870-х годов.

Пореформенная Россия, где, по словам Толстого, не раз повторенным Лениным, «все <...> переверотилось и только укладывается»\*\*\*, воспринималась поэтом как страна, еще не нашедшая себя, находящаяся в становлении. Он сравнивает ее с Галатеей — статуей, созданной Пигмалионом и лишь готовой превратиться из мрамора в одушевленное существо\*\*\*\*.

Образ Родины в тютчевской поэзии пореформенного времени получает новую наполненность, новые краски. В пейзаже род-

\* Характерно, что сочинения Тютчева находились в составе библиотек, рассчитанных на читателя-разночинца и формировавшихся с учетом его запросов (Черенина, Черкесова). Судя по каталогу библиотеки Черкесова (по этому каталогу, в частности, выписывали книги политические арестанты в Доме предварительного заключения), в ней находились издания «Стихотворений» Тютчева, выпущенные в 1854 и 1868 гг. Читальня библиотеки Черкесова была в 1870-х и 1880-х годах местом встреч передовой студенческой молодежи и представителей подпольной России.

\*\* *Гриневиц П. Ф. <Якубович П. Ф.>*. Тютчев (1803—1903) // Русское богатство. 1903. № 7. Отд. II. С. 24.

\*\*\* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 100.

\*\*\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 4 янв. 1872 г.

ного края в тютчевских стихах стало больше воздуха и света. «Мертвенный сон» природы здесь сменяется «задумчивым покоем», тусклость и туманность неба — его синевой, прозрачностью. Исчезают мрак и холод — здесь «жизнь играет, солнце греет».

Россия Тютчева многолика. Поэт видел в ней могучую и великую державу, готовую прийти на помощь братским народам — грозу для их угнетателей. Но он знал ее и как страну «бедных селений», распростертую под жандармским сапогом.

Многое происходящее в этой преображающейся России было Тютчеву неясно, многое неприемлемо, но многое и обнадеживало. В целом поэт верил в славную и необычную грядущую судьбу Родины, в «предопределенную ей великую будущность <...> отворотить которую не смогут все наши усилия» \*. Вера эта основана не на одном чувстве, она вовсе не означает отказ от анализа действительности, не так стихийна и «иррациональна», как это иногда утверждается в литературе \*\*. Она основана на погружении Тютчева в прошлое страны, на его соприкосновении с «родниками истории» и на осмыслении им современности, тех изменений, которые происходят в пореформенном строе.

Но раздумья о Родине у поэта неразрывны с эмоциональным ощущением родной земли. И вера в будущее России питается не только доводами разума, но и чувствами, порождаемыми кровной связью с ней, впечатлениями от русской природы: «Среди этих беспредельных, бескрайних величавых просторов, среди обилия широко разлившихся вод, охватывающих и соединяющих весь этот необъятный край, ощущаешь, что именно здесь — колыбель исполина» \*\*\*.

Вера в Россию у Тютчева отнюдь не безоблачна — в нее врываются и сомнения в «прогнесе житейском» Святой Руси, и смятение перед некоторыми формами этого прогресса.

У Тютчева была своя «идея цивилизации». В понимании ее он расходился не только с «охранителями», но и с либеральной мыслью (в том числе и славянофильской), склонной измерять прогресс верстами железных дорог, «нитью железной» телеграфа, количеством фабрик и заводов.

\* Письмо к А. Ф. Тютчевой 10 окт. 1861 г. (1980. 2, 195).

\*\* Тютчев «не пойдет ни на анализ, ни на исследование народной жизни, откажется от анализа («умом Россию не понять»), по-прежнему многое примет на веру», — подводит итоги восприятия поэтом русской действительности Н. Скотов (Скотов Н. Указ. соч. С. 154).

\*\*\* Письмо к А. Ф. Аксаковой 27 июня <1868 г.>.

Энтузиазм, с которым Аксаков описывал в передовицах «Москвы» промышленное и железнодорожное «преуспеяние» России, по-видимому, Тютчевым не разделялся — в его письмах этот энтузиазм не нашел отклика. Все то, что поэт наблюдал из года в год в своем брянском имении — обнищание, беспробудное пьянство крестьян, их невежество, высокую детскую смертность, — весь этот «смрад, безобразье, нищету» он считал явлениями повсеместными, характерными не только для Брянского уезда Орловской губернии\*. Тревога и озабоченность подобными последствиями капиталистического развития мешали Тютчеву приветствовать его с той же горячностью, как это делалось в либеральной печати.

Поэт не приемлет цивилизации, выражающейся только в техническом прогрессе, и в этом смысле близко соприкасается с крестьянской демократией, которую волновала цена прогресса, его направленность. Тютчева беспокоит разрыв между прогрессом техническим и культурным, нравственным — тот разрыв, который он наблюдал и на Западе. «Национальность в политике, законность в правительстве» — вот что, по его мнению, должно обеспечить правильное направление дальнейшего исторического развития России, ее самородность\*\*.

Разумеется, его давняя мечта о гармонии между промышленным и культурным прогрессом в самодержавной России\*\*\* была утопией, но она весьма показательна для восприятия Тютчевым пореформенной жизни.

Общественно-политические взгляды поэта по своей сложности и нередко противоречивости трудно поддаются определению. В них причудливо сплелись мудрость и наивность, прозорливость и поверхностность, глубина и незрелость, трезвый реализм и элементы мифологии. При всем своем консерватизме они достаточно динамичны. Трудно предсказать, как развивались бы они дальше, продлилась жизнь Тютчева в последующие пореформенные десятилетия. Ум, интуиция, художественное воображение — все это, казалось бы, выводило поэта за пределы умозрительных представлений в области социально-политической жизни. Но и сами эти предвзятые представления, имеющие определенные классовые и гносеологические корни, оказывали свое воздействие на жизненные наблюдения, на восприятие реальных явлений, зачастую подчиняя их себе.

\* Письмо к М. Ф. Бирилевой <авг. 1867 г.> (1980. 2, 220).

\*\* Письмо к И. С. Аксакову 17 февр. <1868 г.>.

\*\*\* Письмо гр. С. С. Уварову 20 авг. 1851 г. (1980. 2, 134).

Тютчева невозможно поставить под знамя какого-либо одного идейного течения или политической группировки. Мирозрение поэта рядом черт (например, признание самодержавия, православия главными устоями русской жизни) близко консервативной, «охранительной», идеологии. Защитой же преобразований общественно-экономического строя страны, поддержкой реформ 1860-х годов оно противостоит официальной мысли, сходясь с идеологией буржуазной демократии, с либерализмом. Некоторые проблемы общественной жизни (свобода мнений, слова, печати, совести) Тютчев решал, сходясь в понимании их с крестьянской демократией. Ближе всех ему было в русской общественной жизни славянофильство — главным образом его верой в объединительное предназначение России для славянского мира и признанием ее «самородного развития», ее «особой стати», отличной от западной.

Однако далеко не все в славянофильстве он разделял и принимал. В мирозрении Тютчева нет такого существенного элемента славянофильской социально-политической концепции, как вера в крестьянскую общину и ее роль в будущем строе. Тютчев, по своему складу и жизненному опыту более «европеец», «западник», чем большинство славянофилов, остался чужд идеализации патриархальных устоев крестьянской жизни. Нет у Тютчева и характерной для славянофильства идеи национальной обособленности России от европейского исторического процесса. Соглашаясь с тем, что Россия не принадлежит к германо-романской цивилизации, «не питалась ни одним из корней этой цивилизации», Тютчев не разделял идеи отчуждения России от европейского мира, не разделял славянофильской убежденности в том, что она «не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу»\*. Мечтая о самобытном, не повторяющем европейский путь развития России, поэт тем не менее неизменно воспринимал ее в системе европейских стран. Все, что происходило с ними, — все их «добро и зло», с его точки зрения, неизменно касалось России, влияло на ее внутреннюю жизнь и внешнюю политику. Внутренние социально-политические противоречия западных стран, их международные конфликты — все это, в представлении поэта, составляло своеобразный фон ее исторического «самобытного» развития. И точно так же все, что происходило в России (ее реформы, ее революционное движение, восстание в Польше), — все сказывалось на европейской политике и расстановке сил в Европе.

---

\* Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871. С. 54 и след.

Если идеолог славянофильства Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (своеобразной апологии славянофильства) отрицательно отвечал на вопрос «Европа ли Россия?», Тютчев активно настаивал как раз на утверждении, что Россия — та же Европа, только Восточная, но действенная, существенная часть ее, с которой придется считаться западным странам. «Пора самым решительным образом предъявить Западной Европе, — утверждает он, — что есть <и> Восточная и что имя ей — все та же проклятая Россия, с давних пор столь подозрительно-ненавистная всему цивилизованному миру!» \* Симптоматично употребление Тютчевым по отношению к России и славянским народам термина «Русская Европа» как идентичного Православному Востоку — определению, бытовавшему в славянофильской публицистике \*\*.

Вот почему правильнее на основании всего сказанного говорить об определенной близости Тютчева к славянофильству, но не о тождестве его с этим направлением общественной мысли. Не случайно, что в своей переписке с И. С. Аксаковым Тютчев никогда не называл славянофильство своим: «Ваша вера», «Ваше учение», — писал он \*\*\*.

Не отождествлял взглядов поэта со славянофильством и его идеолог, весьма осторожно замечая, что «собственное мирозерцание Тютчева находится с ним (славянофильством. — В. Т.) если не в прямой связи, то в соотношении» \*\*\*\*.

Несомненно, что сам поэт, обнаружив близость и точки соприкосновения с разными общественными течениями, современными ему, ни одно из них не считал полностью своим, все их признавая бессильными в объяснении перспектив развития страны. Известные строки «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить...» правильнее читать не как утверждение загадочности или непознаваемости его великой страны. В них присутствует признание поэта, что такой феномен, как Россия, не может быть понят с помощью известных ему политических доктрин и выработанных ими шаблонов в подходе

\* Письмо к И. С. Аксакову 22 сент. <1868 г.>. См. также письмо Ф. И. Тютчева к А. Н. Майкову 1 авг. (1869 г.), где он пишет о «новой своеобразной Европе», которая «раскинулась, раскрылась, расходилась по этим русским просторам».

\*\* Письмо к И. С. Аксакову 2 окт. 1867 г.

\*\*\* См., напр., письма к И. С. Аксакову 23 окт. 1861 г., 26 нояб. <1867 г.>, 18 нояб. <1868 г.>, 19 февр. <1869 г.>.

\*\*\*\* Аксаков И. С. Указ. соч. С. 309.

к общественной жизни. Но в этих строках звучит и предчувствие великого будущего России, ее всемирной судьбы. Кажется, интуиция гения, творившего на историческом переломе русской жизни, уловила, угадала необычность и громадность задач, которые предстояло решать России, — задач, Европе еще неведомых.

Может быть, потому, что сами эти строки, свободные от влияния каких-либо политических направлений, не несут отпечатка их односторонности, ограниченности — классовой и исторической, может быть, поэтому так весомо и значимо звучали они на крутых поворотах русской истории:

Умом Россию не понять,  
Аршином общим не измерить:  
У ней особенная стать —  
В Россию можно только верить.

1988

